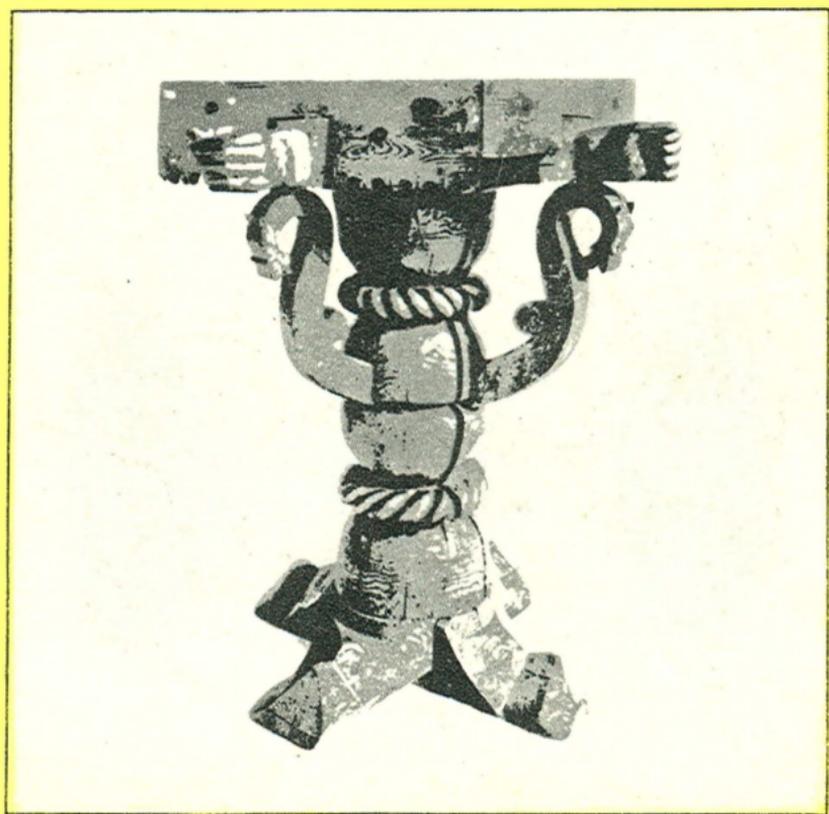
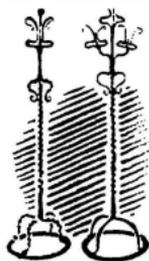

ПО РЕКЕ КОКШЕНЬГЕ

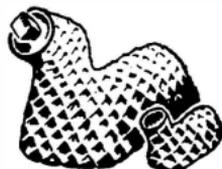

1. Медная ендова.
Деревня Веригино
2. Светцы для лучин.
Деревни Никитино и Гора

3. Резная прялка
4. Деревянная солоница.
Деревня Ермолинская

5. Охлупень и резное
полотенце. Деревня Конец
6. Изделия из бересты.
Деревня Конец

7. Оконный наличник
в деревне Конечная
(Гавриловская)
8. Жилой дом.
Деревня Горки

ПО РЕКЕ КОКШЕНЬГЕ

(ТАРНОГСКИЙ РАЙОН
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

А. К. ЧЕКАЛОВ

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1973

СОДЕРЖАНИЕ

В ГЛУБЬ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА.

Предисловие М. Алпатова _____ 5

1. КРАЙ ЦАРСКИХ ПЛОТНИКОВ _____ 9

2. НЕМНОГО ИСТОРИИ _____ 15

3. ТАРНОГСКИМИ ДОРОГАМИ _____ 33

К верховьям Кокшеньги (38). Баклановская (38). Новгородовская (40). Веригино (43). Путь на Ваймеж (45). Ромашево (47). Лохта (48). В районе верховья Уфтюги (49). Долговицы (50). Ермолинская (53). Тюреберь (54). В сторону Спаса. Костылево и Вельск (63).

4. ВСТРЕЧИ С НАРОДНЫМ ИСКУССТВОМ 66

Путь в глубь дома (69). Мебель в доме (80). Кривулины (82). Деревянная посуда (82). Плоскостные резки (86). Древние образы (90). Береста (94). Металл (95). Иконы (97). Текстиль (99). Проблема содержания (104). Конструктивный принцип (104). Сдержанность форм (105).

ПРИМЕЧАНИЯ _____ 113

ПОЯСНЕНИЕ ТЕРМИНОВ _____ 115

НЕКРОЛОГ _____ 118

0812-092

Ч _____ 233-73

025(01)-73

В глубь народного творчества

Книга Александра Калимовича Чекалова — одна из последних его работ. Ему не пришлось принять участие в ее подготовке к печати. В ней не хватает нескольких заключительных страниц. Тем не менее было решено выпустить ее в том виде, в каком она осталась после безвременной кончины ее автора. Она несет на себе такую отчетливую печать его незаурядной одаренности и творческой зрелости, что и в таком, не вполне завершенном виде, конечно привлечет к себе внимание читателя и одарит его моментами чистой и высокой радости. Не предвзято того, что может заметить всякий при чтении этой книги, хочется обратить внимание на то, что в ее тесных рамках А. К. Чекалову удалось проявить лучшие особенности своего своеобразного и плодотворного подхода к искусству.

Соответственно общему характеру всей серии «Дороги к прекрасному» книга эта задумана в качестве путеводителя по малоизвестным местам и неисхоженным тропам в окрестностях реки Кокшеньги. Читатель получает множество полезных советов: какой ему избрать маршрут, на чем остановить главное свое внимание. Автор как бы берет его за руку и ведет туда, где можно найти больше всего достопримечательностей. Он мысленно усаживает его в маленький местный самолет и предупреждает обо всем том, что оттуда открывается взору. Здесь видны полосы синего люпина, там — голубые поля льна. И повсюду царит непривычная горожанину тишина («видимая глазом, воплощенная в линии горизонта», — замечает автор). Автор ведет читателя в лесную чащу, и здесь у него на

глазах рождается ручей, торопливо выбивается тонкой струйкой из-под елок, звенит камнями, причудливо петляет среди холмов и, наконец, выходит на свободу. Этому чуду природы посвящены высоко поэтические строки.

Задача служить читателю путеводителем — это всего лишь первый слой авторского замысла. Пока мы летим в маленьком самолете, А. К. Чекалов занимает нас рассказом о всем том, что в итоге своих усидчивых библиотечных занятий он извлек из старинных источников по истории этого края. Ему пришлось немало потрудиться, но сведения сохранилось немного. И все же картины природы приобретают новое измерение, когда мы знакомимся с судьбой людей, населявших этот край. Нам сообщается история чуди, следы которой сохранились преимущественно в названиях селений и рек, история славянской колонизации и распространения монастырей, драматическая биография отца Агапита, сведения о пережитках язычества и о судьбе местных старообрядцев, наконец, о чертах нового в жизни и быту наших современников. Письменных источников имеется немного. Но в Историческом музее в Москве хранится огромный деревянный ковш-скопкарь начала XVII века, работа мастера с берегов Кокшеньги.

Значение книги А. К. Чекалова далеко не исчерпывается полезными для путешественников советами. Попутно с повествованием о делах минувших дней автор предается раздумьям. Все, что рассказано им, согрето глубокой и неподдельной симпатией к этому уголку нашей родины. Это вовсе не значит, что он стремится поднять значение тех мест, куда мы совершаем мысленное путешествие. С первых страниц он предупреждает читателя, что тот не найдет здесь выдающихся памятников деревянного зодчества, которыми славится русский Север. И вместе с тем его книга доказывает, что внимательный, вдумчивый и любящий свой предмет автор может из самых скромных, рядовых произведений искусства извлечь много-много ценного. Симпатия автора служит ему надежным ключом к пониманию истории края, характера людей и особенностей их искусства. Мы узнаем, с каким гостеприимством встречают гостей местные жители, колхозники. Беседы с ними оказали автору немалую помощь в понимании и прошлого и настоящего.

Он не скрывает своей тревоги по поводу судьбы тех стародавних добрых нравов, которые с проникновением на Север современной техники заметно исчезают. Его заботит и судьба старинных памятников искусства, которые заслуживают сохранения.

Все сказанное служит всего лишь вступлением к главной части. Автор неторопливо оглядывается по сторонам, стремится вникнуть в жизнь и характер людей и лишь затем начинает разговор, ради которого стоит пуститься в трудное путешествие в этот край. Его больше всего поражает, что памятники искусства, которые мы привыкли видеть в музейных витринах или в пыльных запасниках, здесь не отгорожены преградой от зрителя. Можно подумать, что здесь поистине свершилось то, о чем современный горожанин может только мечтать: искусство вошло в каждодневную жизнь человека. Народная резьба, росписи, шкатулки, шитые полотенца живут всей полнотой жизни в избе колхозника как неотделимая часть художественного целого — русской деревни и природы Севера.

Не заявляя об этом открыто, автор дает понять, что все пути и маршруты, о которых идет речь в его книге, ведут к одному драгоценному и неиссякаемому источнику, к кладью народного творчества. Нужно читать и перечитывать страницы книги А. К. Чекалова, посвященные избе, ее убранству, предметам домашнего обихода северного крестьянина. Это совсем не скучные музейные описания и не восторженные словоизлияния. В каждом определении, в каждом эпитете автора проглядывает настойчивое стремление доискаться смысла народного творчества, понять назначение предмета, раскрыть его пластический характер, вникнуть в то, как любимый материал народного художника — дерево — требует от мастера определенной формы, и как он отвечает на эти требования своим творчеством, и как из этого диалога рождается прекрасное искусство.

В характеристиках А. К. Чекалова нет никакой красоты. Но он всегда находит в народном языке образные выражения, которые способны дать почувствовать пластическую природу народного искусства. Он ценит цельность каждого произведения, начиная с крестьянской избы и кончая солоницей. Красота крыльца — это красота ветки, которую выбрасывает ствол. Столы и лавки — это не мебель, а «встроенное оборудование» избы. Яркие краски вносят в нее радость, как солнечный луч, падающий через окно. А. К. Чекалов никогда не ограничивается общими впечатлениями, но зовет читателя к вдумчивому разглядыванию предмета. Через искусство ему удается заглянуть в самые глубины народного самосознания. Все, что выходит из рук крестьянина, несет на себе отпечаток его усилий, «великой страды народной», и вместе с тем сверкающие краски создают впечатление праздничности.

Книга А. К. Чекалова ведет нас от одной деревни к другой, от избы к избе. Она зовет нас заглянуть в самые глубокие пласты творчества. Мы становимся свидетелями рождения искусства из потребностей жизни, как в лесной чаще мы были свидетелями рождения реки.

Нужно надеяться, что эта книга пробудит в читателе желание побывать в тех краях, которые были так дороги ее автору. Историк искусства она послужит примером того, как подходить к народному искусству, как вскрывать его смысл, как понимать его язык, как оценивать его красоту.

М. Аллатов

1. Край царских плотников

Местность, о которой пойдет здесь речь, лежит в самом центре Европейского Севера, на стыке Архангельских и Вологодских земель. Тихая таежная Кокшеньга, соединяясь с другими такими же речками, рождает полноводный приток Северной Двины — Вагу, по берегам которой раскинулась Важская земля или Поважье, славившееся в прошлом искусством своих плотников¹. Документы XVII века называют плотников Ваги лучшими мастерами на Руси². Их руками был воздвигнут знаменитый шенкурский Михайло-Архангельский собор, один из самых высоких на Севере. Многие важане работали в Москве, например, на постройке царского дворца в селе Коломенском.

Через Поважье пролегал великий торговый путь, связывающий столицу Руси с молодым Архангелом-городом, а через него — с Западной Европой. Этот путь, как маяками, был провешен и обозначен деревянными башнями храмов, построенных по берегам речных долин в XVII—XVIII веках, в эпоху расцвета деревянного зодчества на Севере. Громадные, но тонко изваянные, они были лучшими памятниками, созданными на Кокшеньге, высшим художественным достижением деревенских мастеров. К сожалению, судить о формах этих построек приходится лишь по фотографиям и воспроизведениям в литературе³, по описаниям начала XX века. Из них мы узнаем, что в начале нашего столетия на Кокшеньгской земле еще стояло несколько старинных церквей, в том числе одна, посвященная Николе и Параскеве, где хранились древние изваяния этих святых, удержавших некоторые признаки языческих образов домовых. Редким изяществом и слаженностью форм отличалась

Богородицкая церковь в селе Верховье. Кресчатая в плане, приподнятая над землей на столбах так, что под ней можно было проехать на лошади, верховская церковь словно легко взмывала вверх, благодаря умело найденному рисунку своих узких заостренных шатров. Более тяжелыми пропорциями обладала деревянная церковь в селе Спас, отражавшаяся в водах Кокшеньги. В Шевденском городке стояла ярусно-шатровая Никольская церковь. Ярусным был и башневидный храм на Верхней Кокшеньге.

В настоящее время в районе сохранилось два памятника деревянного культового зодчества, но оба они не безупречны по формам, частично искажены и нуждаются в ремонте. Это далеко не классические образцы плотницкого искусства, и в этом отношении турист, повидавший, например, выдающиеся образцы карельского, онежского и северодвинского зодчества, может оказаться сильно разочарованным в своих ожиданиях. Будет лучше, если читатель узнает заранее, что на Кокшеньге он не встретит уникальных и прославленных памятников архитектуры.

На Кокшеньге сохранилось другое: бытовое плотницкое искусство, массовое и повсеместное, живущее до сего дня. Крестьянские дома, амбары и бани, ворота и калитки, качели, колодцы, вброды паромной переправы, желоба водопоев, весы-«журавли» и долбленые лодки, «самородные» стулья и скамьи — все эти бесчисленные утилитарные формы, изготовлявшиеся из дерева, впитывали в себя отпечаток того же художественного видения, что и монументальное зодчество, отсвечивали теми же гранями неяркого, но сильного художественного гения. Разница здесь, скорее, количественная.

Увидеть большое в малом — само уже поучительно и хорошо тренирует зоркость.

Кокшеньга требует именно такой проникновенной зоркости к обыденному и малому. Тогда ее искусство обнаруживает свою значительность.

Сейчас, когда на главных маршрутах Севера летом становится слишком уж многолюдно, настала пора расширить эти маршруты, охватить новые районы, в том числе и такие, как Кокшеньга, бедные храмами, но богатые бытовыми постройками и предметами. Бытовые постройки заманчивы еще и тем, что представляют собой целые комплексы, где архитектура «начинена» всяческой утварью, мебелью, коваными, расписными, ткаными, плетеными изделиями, причем все они не разрознены, но связаны в

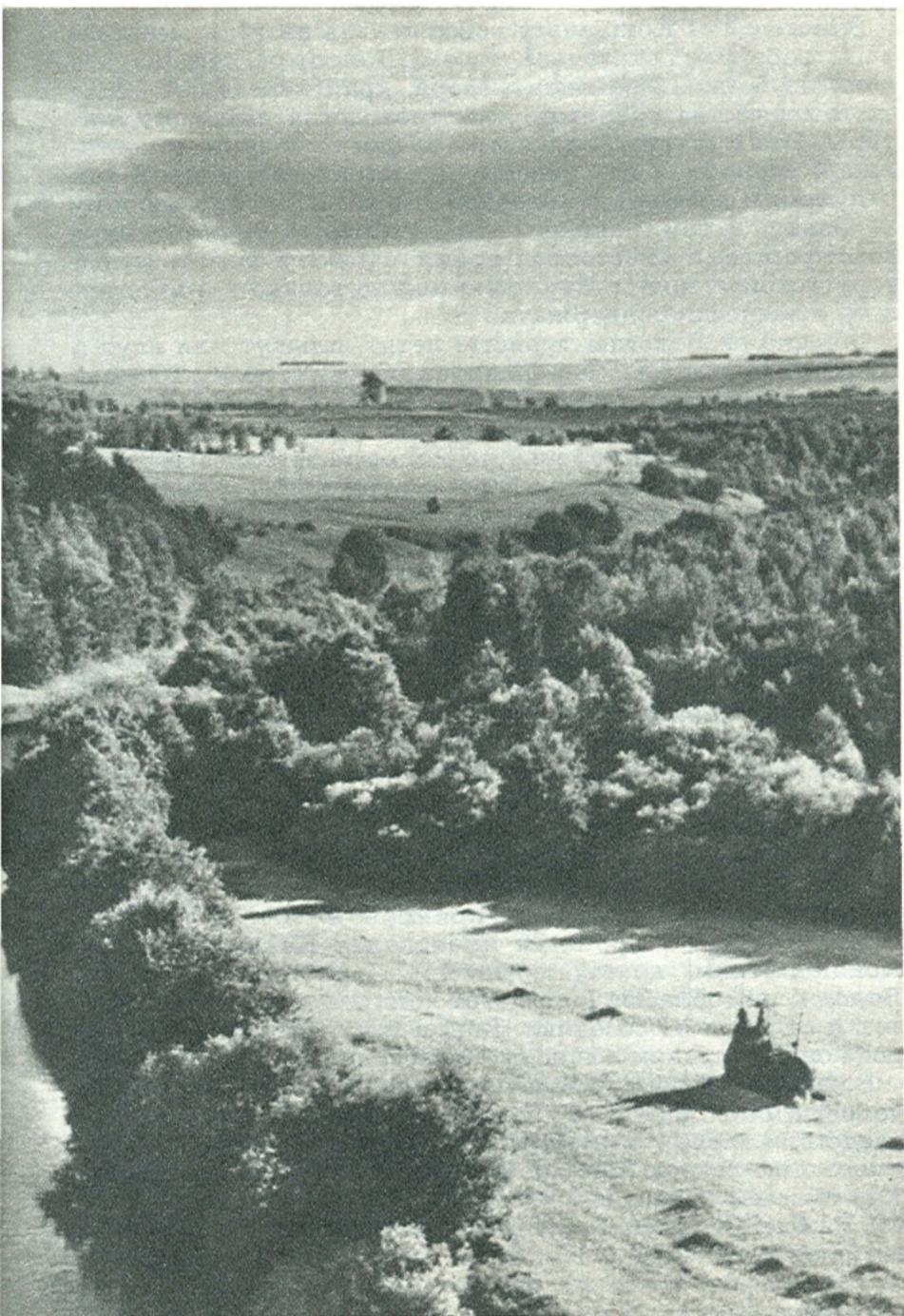

*Плодородные поля
Кокшеньгского края*

*Верховья реки Уфтюги
→*

единый целостный ансамбль, довольно однородный по стилю. Ценность этого «вещевого комплекса» предметов прикладного искусства на Кокшеньге обуславливается, в частности, тем, что история края отличалась непрерывностью, строгой традиционностью и патриархальностью развития. Кокшеньга была самой богатой, плодородной и наиболее «аристократической» областью Важского края. Она торговала хлебом и хмелем, обстраивалась дорогими хоротами, накапливала жемчужные наряды и долго оставалась старообрядчески консервативной, приверженной к дедовским формам, сохраняя множество архаических пережитков в своем языке, обычаях, обрядах. Поэтому здесь больше, чем в соседних районах, сохранилось таких качеств, которые удержались в прикладном искусстве с давних пор. Можно сказать, что под тонким слоем поверхностных напластований здесь всюду ощутима первооснова, восходящая к допетровским временам. Особенно это касается обработки дерева и металла.

Вместе с тем Кокшеньгу вовсе нельзя назвать омертвевшим, забытым, отсталым краем. Напротив, сегодня это один из богатых районов Севера, край передового сельского хозяйства, развитого животноводства, высокой культуры. Эта культура видна в общении с людьми, в постоянной спокойной вежливости и достоинстве речи. В том радушии и доверии, с которым относятся здесь к любому человеку. В том, наконец, что «кокшары» умеют ценить свое прошлое и в настоящее время готовятся создать музей тарногской старины. Эту идею можно только приветствовать и всячески поддерживать.

Обычно от Вологды туристы летят, плывут или едут к озерам Кириллова и Ферапонтова, реже в сторону Тотьмы. Мы держим курс на Тарногский городок, приютившийся среди сосновых лесов Кокшеньгского края.

Внизу, за бортом маленького самолета остались зеленые откосы Вологды, лодки по берегам, тоненькие главки церкочков, морковками вросшие в слоистое небо, плотики, где полощут разноцветное белье. Исчезают из виду граненые башни Спасо-Прилуцкого монастыря. Надвинулось угрюмо-однообразное лесное море.

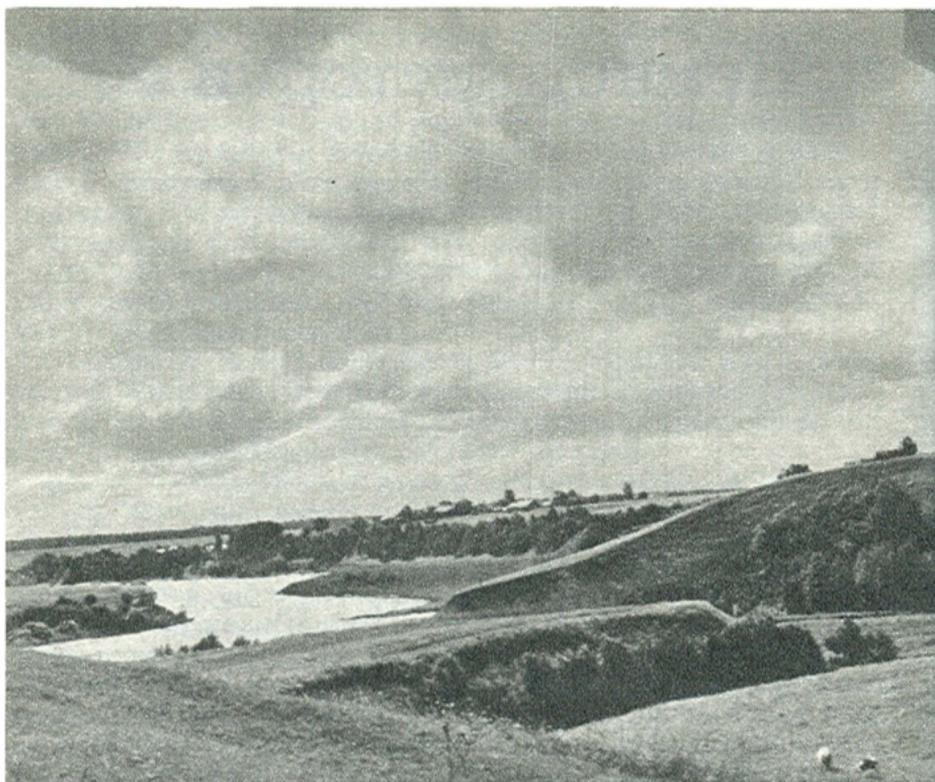
Кое-где на звонкой зелени будто насыпаны темные и светлые камушки: это деревня или стадо. С приближением Кокшеньги земля становится ярче: мелькают лоскутки голубых, лиловых, золотистых, белых полей. По-египетски глубоко синие инкрустации люпинуса. И нигде не видно ни одной фабричной трубы, ни одного жесткого контура современной постройки. Уже сверху пейзаж привлекает пластичностью, мягкостью, подвижным тонким ритмом. Деревни жмутся к светлым ленточкам рек, из которых главные — прозрачная Кокшеньга и приток ее — Уфтюга. Бассейн их охватывает район примерно в 100 км в поперечнике, который в прошлом именовался Кокшеньгой или Кокшеньгским краем, а ныне — Тарногским районом Вологодской области. Район этот этнографически своеобразен и отличен от соседних. Еще в эпоху Великого Новгорода он был сравнительно густо заселен.

В начале XX века население достигло здесь около 40 000 человек, число деревень доходило до нескольких сотен. Впоследствии число селений сильно сократилось и продолжает уменьшаться, так как происходит укрупнение деревень. Как отмечал известный кокшеньгский краевед профессор М. Б. Едемский, местные жители, потомки новгородцев, сознают себя «очень близкими между собой», своими и действительно обладают многими общими чертами внешнего облика и душевного склада⁴.

2. Немного истории

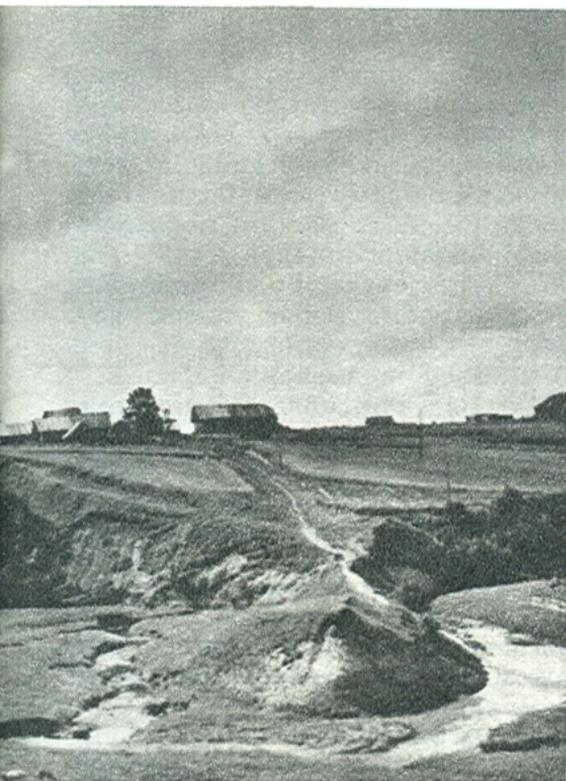
За полтора часа, пока длится полет, попытаемся хотя бы в общих чертах и бегло представить себе, что за край расстилается под нами, как он сложился и как заселен, что было на этих берегах в прошлом, как сохранил он свою первозданность сегодня, как отомкнуть этот заповедный мир и заставить его рассказать о себе. Дошедшие до нас документы крайне скупы и отрывочны. Исторические описания носят полуполюгандарный характер. Памятников древней материальной культуры, которые могли бы прояснить картину, также не найдено. Остаются данные фольклора, топонимики, устные предания, живущие в памяти крестьян. Поневоле приходится строить догадки и делать предположения взамен стройной системы фактов.

Загадочна, в частности, история первоначального заселения края. Кто жил в этих лесах до прихода славян? Принято именовать местные племена охотников и рыболовов чудью, но была ли эта чудь тем самым народом, который поселился здесь еще в эпоху неолита, или он лишь сменил собой более древних аборигенов — остается неясным. Среди бронзовых изделий, найденных М. Б. Едемским под старейшей деревней края — Новгородской, — есть витая шейная гривна и две шумящие подвески, с головами уточек, характерные для западных финнов⁵. В то же время специалисты по топонимике считают, что частица га, входящая в состав названий многих рек края (Кокшеньга, Уфтьюга — ср. Пинега, Волга), как будто указывает на индоевропейское происхождение народа, давшего эти имена. Впрочем, и здесь все очень неопреде-

ленно⁶. Археологические раскопки велись в разных местах края: близ деревень Подкуст, Креплевская, Долговицы, Семеновская, Спас, Поча⁷. Однако в результате найдены были только немногочисленные кремневые орудия на местах неолитических стоянок (раскопки Н. Черницына). Новгородское городище было самым крупным и могло дать, бесспорно, много ценного, но большая часть его территории не сохранилась: ее размывла подступившая река.

С чудью связаны не только названия рек, но и история большей части деревень и целых фамилий. За столетия совместного сосуществования здесь сложилась двойственная культура, в которой очень трудно разграничить элементы. Двойными и до сих пор остаются наименования селений и урочищ. Как правило, более древнее, коренное селение или название местности сохраняет дославянское звучание (например, Ваймеж, Лохта, Пелтасы, Тюреберь), в отличие от более поздних, вполне русских имен. По преданию, чудь жила в землянках, сгруппированных по

*Деревня Паунинская
и река Кокшеньга*

10—15 вместе. В некоторых местах еще сохранились остатки так называемых «чудских ям». Существует предание о том, что чудские вожди Ровда, Караганец, Арик, Игнатец в 1315 году уступили русским всю Вагу (включая Кокшеньгу) за 20 тысяч белок и 10 рублей⁸. Еще в начале XX века некоторые деревни на Кокшеньге считались чудскими по происхождению, например, Югры на Шебеньге. К потомкам чуди относили фамилии Сипиных и Щекиных из деревни Дубравы⁹.

Процесс славянизации не был мирным. «Чудь отчаянно защищалась от русских, но была побеждена и истреблена»¹⁰. В ходе этой борьбы успех иногда оказывался на стороне аборигенов. Предание рассказывает, как «черная чудь» приступом овладела Шевденским погостом, разграбила казну в церкви Николая-чудотворца. Однако в конце концов чудские войска были разгромлены и нашли свою гибель в водах Сияковского озера около Ромашевского городка.

Источники ничего не говорят об архитектуре и изобразительном искусстве чудских племен. В том, что то и другое существовало, не приходится сомневаться. Но каковы были их формы? Мы можем лишь строить предположения, основываясь на аналогичных памятниках, сохранившихся в национальных районах коми и других нерусских народов. Характеризуя материальную культуру этих народностей в прошлом, этнографы отмечают черты архаизма по сравнению с русской, более быстро развивавшейся культурой. Обилие в Кокшеньгском крае загадочных реликтов, например, антропоморфных и зооморфных швеек, возможно, объясняется именно тем, что в данном случае речь идет о чудских по происхождению предметах и образах.

Славянская, точнее — новгородская, колонизация края началась, по-видимому, задолго до XIV века. По крайней мере, здесь уже в XII веке существовали русские города и селения, в том числе и Тарногский городок. Лихие ушкунники на своих длинных челнах приплывали по Кокшеньге снизу, через Северную Двину и Вагу. Облюбовав хорошо защищенный прибрежный мыс, превращали его в укрепленный острог. Так выросли опорные пункты на месте позднейших деревень Новгородской, Никольской, Креплевой, Ваймеж. В Тарногском городке и теперь еще можно видеть остатки древних земляных валов¹¹.

Первоначальная колонизация была, по-видимому, боярской по преимуществу. Как и в Поморье, дружинники захватывали угодыя и закрепляли права на владение ими за своим предводителем, который становился своего рода полновластным князьком на своей земле, хотя формально переходил в крестьянство. Именно так в XVI веке от знатной новгородской фамилии бояр Своеземцевых возник сильный род именитых крестьян Едомских. Прародителем многочисленных отпрысков рода Гусишных был некий атаман Гусь, основавший, по преданию, деревню Гусиха. С другим новгородским дружинником легенда связывает построение, вернее, возобновление деревни Новгородской, расположенной в самом центре края, при впадении Уфтюги в Кокшеньгу. Сюда приплыл и высадился на берег некий атаман по имени Сила. Место ему, видимо, понравилось, он занялся хлебопашеством, стал выжигать лядины под посевы. Его потомки — Силины — постепенно расселились по окрестным «угорам», отправлялись торговать на ярмарки преимущественно хмелем. Так в Великоустюжских записях от 1633 года мы встречаем упоминание о крестьянине с Кокшеньги Шебенгской волости Другане Силине, «явившем для продажи на пяти лошадах кипы

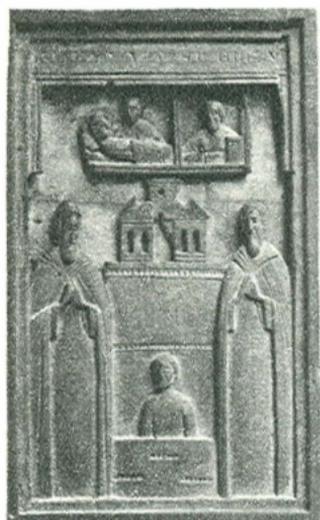

*Е. Ф. Силинская вышивает
полотенце. Деревня
Новгородовская*

хмеля»¹². В 1678 и 1679 году упоминается «кокшар Василий Алексеев сын Силинских», который «явил для продажи» кипы хмеля. Фамилия Силинских и поныне одна из самых распространенных в районе.

Другим легендарным атаманом, приплывшим одновременно с Силой, был Бусырь. Он высадился неподалеку от первого и основал деревню Шкулевскую, где до сих пор среди местного населения преобладает фамилия Бусыревых.

Одновременно с княжеской, политической колонизацией происходила, как отмечает историк С. Ф. Платонов, колонизация народная, главными деятелями которой были инок, искавший «места достойного молчания», и пахарь, жаждавший безопасности и пропитания¹³. К XV веку конкурентами новгородцев выступили выходцы из Понизовья, то есть из среднерусских княжеств. Кокшеньга оказывается своего рода водоразделом между северной (новгородской) и южной волнами заселения. Владельцами

*Деревянная иконка XVIII в.
Деревня Новгородовская*

земель по реке Ваге и ее притокам, в том числе Кокшеньге, становятся князья Ростовские, а с 1462 года — Москва¹⁴. Сюда бежал Дмитрий Шемяка, и за ним пошел на облаву великий князь Иоанн Васильевич, который в 1453 году «городки по реке Кокшеньге поймаше». К этому времени уже существовали остроги деревянные, погост Спаса, монастырь Феодора. В XVI — XVII веках строительство расширяется. В 1574 году сооружается Зосимо-Савватиевская деревянная церковь в Долговицах; в 1588 году Георгиевская церковь «на Поце» (Поче), предшественница той, которая стоит поныне; в 1593 году — Никольская в Заборье.

К 1678 году в Кокшеньгской четверти насчитывалось 37 деревянных храмов, 2 часовни и 16 колоколен, Тарногский укрепленный городок с гостиним двором, Ивачский городок в Спасской волости, Ромашевский посад с двумя храмами и судной избой. Начинается строительство монастырей: Дружинина пустынь в Долговицах, Спасско-Печенг-

*Деревянная
Георгиевская церковь.
1700 г. на Поче Верховье*

ская на Верхней Кокшеньге и др.¹⁵ Еще раньше, в 1576 году, инок сольвычегодского Борисоглебского монастыря Агапит основывает близ Тарноги знаменитый Маркушевский монастырь¹⁶.

История Агапита, хотя и препарированная церковниками с целью канонизации святого, тем не менее составляет одну из колоритнейших страниц в летописях Кокшеньги. Обосновавшись на тихой речке Маркушевке при впадении ее в Тарногу, неутомимый монах начинает деятельно приумножать богатства обители. Сооружается часовня, затем две деревянные церкви и келья, далее — гостинный двор. В 1578 году Агапит отправляется к самому царю Ивану Грозному просить земли на содержание монастыря и позволения поставить мельницу на реке Лохте. Просимое было дано, но это сильно ущемляло имущественные права соседних крестьян, особенно жителей деревни Камкино. В 1585 году несколько лохотских мужичков во главе с неким Богдашкой Ляховым подстергли Агапита, когда он ехал

осматривать свою мельницу, и убили ненавистного настоятеля. Тело его бросили в реку Уфтьюгу, но, как повествует легенда, оно не стало тонуть. Более того, железные вериги, так полагается в этом случае, поплыли по течению, и там, где они достигли берега, выросла позже деревня Веригино.

Сохранился уникальный резной крест с подробной надписью, повествующей об основании Маркушевского монастыря. Это, пожалуй, наиболее ранний памятник тарногского прикладного искусства, дошедший до наших дней. По характеру геометрических порезок, по общему начертанию шрифта и упрощенно-контурному рисунку маркушевский крест очень близок к памятникам позднейшей крестьянской резьбы. Квадратные неподвижные литеры складываются в торжественные строки посвящения: «При благоверном царе и великом князе Иване Васильевиче Всея России и при его благоверных царевичах князе Иоанне и князе Федоре и при преосвященном митрополите архиепископе Антонии Всея России и при начальнике строителе старце Агапите... и пришед старец Агапит на реку Маркушу да на реку Тарногу со образы Николы Чудотворца, великорецкого и на том месте поставил часовню...»

Культ преподобного Агапита всячески поддерживался церковными властями Кокшеньги. До революции существовал деревянный Маркушевский монастырь и часовни в память об убиенном святом. Именно в одной из таких поминальных часовен хранился указанный выше резной крест и несколько других, близких по форме, несколько напоминающих поклонные каменные кресты, встречающиеся в новгородском средневековом зодчестве. Особенно близок к крестьянской плоской резьбе крест 1578 года. Другой, более поздний, отличается некоторой витиеватостью линий, тяготением к шрифтовой вязи и растительным завиткам. Крупные по размеру, монументальные по формам, эти дощатые кресты не имеют в себе ничего специфически церковного. Напротив, весь строй форм и характер изображений изобличают мышление не инока, но крестьянина. Поверхность их словно грубо вспахана резцом, вздыблена и не успокоена внешней красивой гладкостью. Так же взрывается лопатка прядки, причем резец пробуждает дремлющие в дереве силы и не дает этим силам нейтрализоваться. Они остаются в состоянии незавершенного борения и процесса.

Территория Важской области раньше вошла в состав царских владений. В 1591 году Федор Иоаннович подарил ее Борису Годунову за его победу над татарами под Москвой. Вместе с тем эти государевы владения вплоть до XIX века

оставались дремучим краем, где скрывались беглые. Здесь спасались от тяжелой руки Ивана Грозного покинувшие Новгород опальные бояре. Сюда стягивались старообрядцы из разоренных скитов на Керженце. В екатерининскую эпоху Кокшеньга, особенно ее верховье, давала пристанище тем, кто бежал от постылой солдатчины.

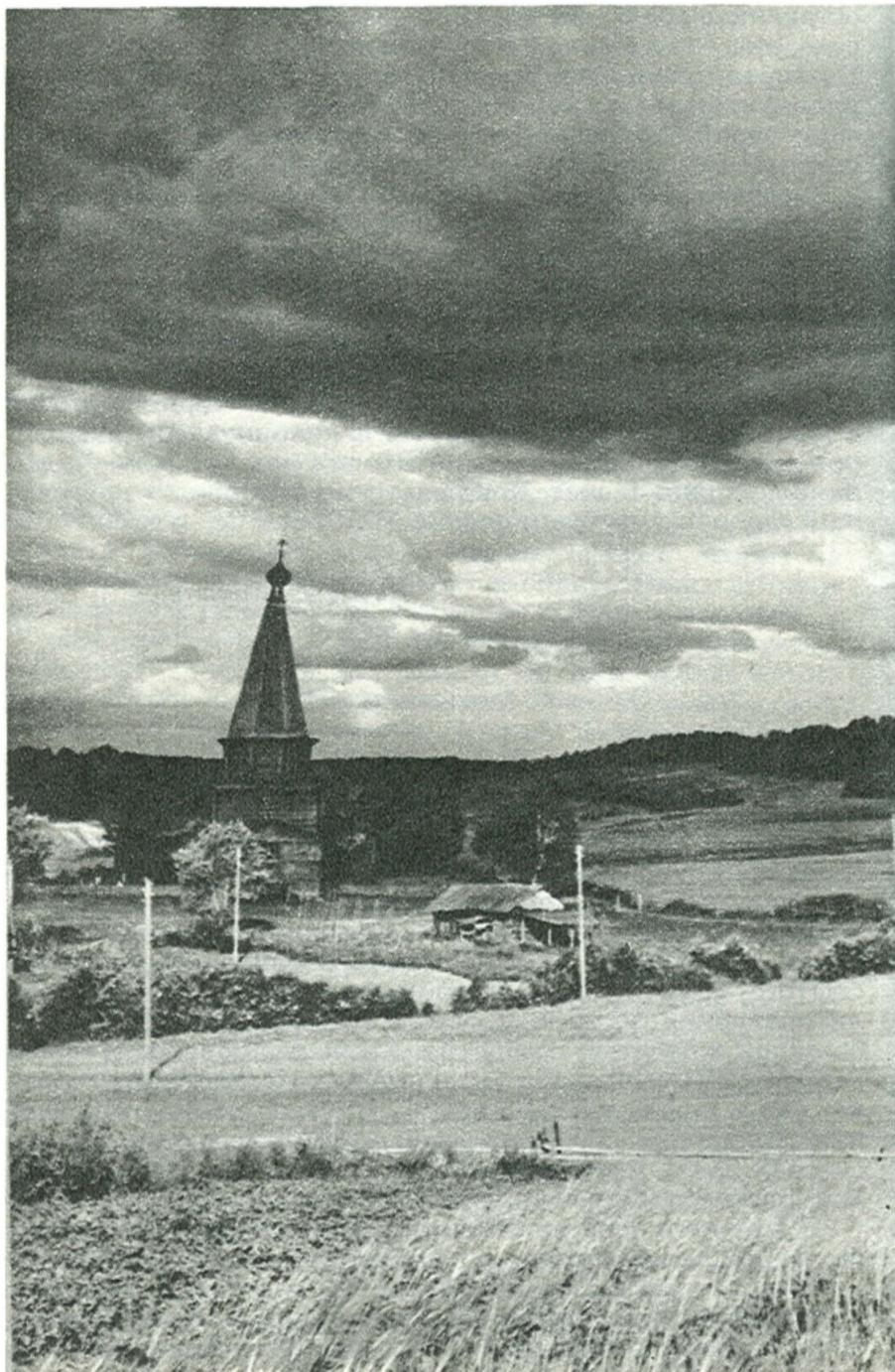
Сведения XVII — XVIII веков так же отрывочны, скупы и сухи, как и более ранние, но все же они позволяют вылавливать из груды омертвелых фактов отдельные, более яркие события и характеристики. Так, например, сведения, заключающиеся в таможенных книгах Тотьмы, дают предствления о том, с чем приезжают в город кокшары. В таможенных книгах Тотемской ярмарки за 1675—1676 годы значатся крестьяне с Шебенги, из Заячерецкой волости и с Верховья. Продают продукты и лукошки. Антроп Гаврилов из Долговицкой волости «явил для продажи» деревянные ложки и скот. Кокшеньгские лукошки — постоянный товар на тотемском рынке XVII века¹⁷.

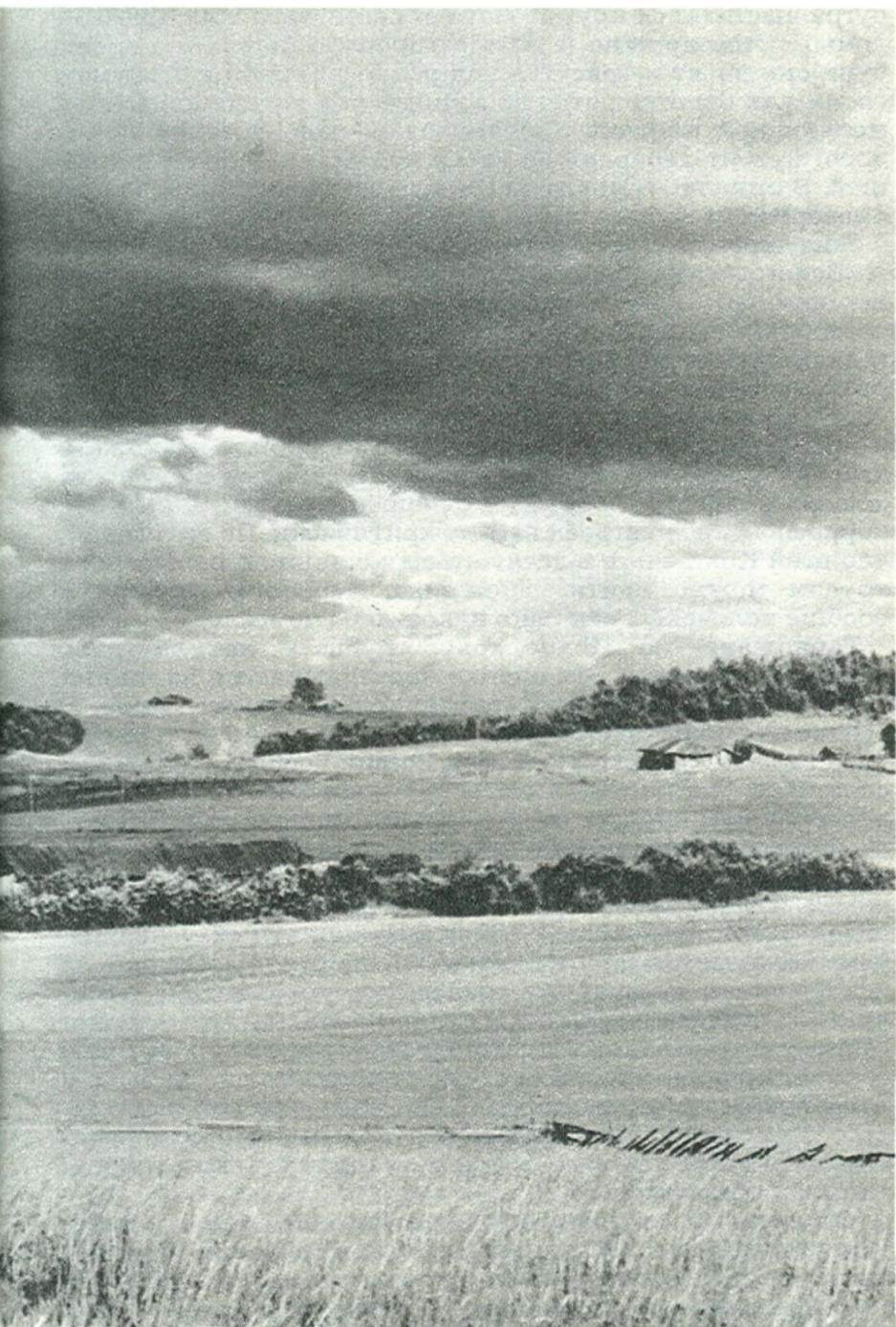
Пейзаж Верховья

Большой интерес представляет описание Тарногского городка. Из писцовых книг за 1678 год мы впервые узнаем, что Тарногский городок окружен земляным валом, «мерою вокруг 233 сажени», а внутри для торговли устроено 28 лавок и 5 амбаров, а «торг бывает в январе на праздник Святого Власия»¹⁸. В отличие от этой деловой записи литературная зарисовка середины XIX века сделана с большой живостью и образно. Песчаные обрывы и сосны так же характерны и для современного Тарногского городка, как и для старых Шевдениц (пример двойного названия). Следует сказать, что автор в 1847 году хорошо почувствовал связь местной архитектуры с пейзажной средой. Вот фрагменты его сочинения:

«В тридцати верстах по прямому направлению от истока реки Кокшеньги разостлана по берегам ее волость Шевденицкая... в самой середине которой (на бугре)— шатры и куполы трех деревянных церквей и такой же колокольни... Кругом обстал небольшой лес и горы. Кверху от подошвы

бугра выставился круг столетних сосен, заслоняя храмы и дома... Стоя дружно и тихо в хорошую погоду, во время бури они висят и трясутся над речкою Тарногою и шумом своим как бы стараются заглушить рев падающей воды с мельничной плотины... А там за речкою у самой почти дороги стоит деревянный крест под деревянною же крышей. В стороне — многочисленные озера с дичью и болото с северной стороны»¹⁹.

Еще через двадцать лет, в 1865 году, некто Павел Волков в «Вологодских губернских ведомостях» восторгается тарногоем пейзажем: «Местность в Кокшеньге чрезвычайно своеобразная, резко отличающаяся от всех других. Тут нет и двух-трех верст ровных. Все холмы и горы, на которых расположены довольно густо небольшие деревушки... Картина всей Кокшеньгской местности очень живописная и прелестная, так что с первого разу вы долго не можете оторвать глаз от подобных видов, особенно весной, когда зеленеют хлеба»²⁰. Зато по отношению к жителям края корреспондент настроен весьма критически. По его словам, «по всей Кокшеньге в десять тысяч с лишком населения с трудом можно найти сапожника, портного, столяра и вообще человека, знающего какое-либо ремесло».

Тарножане, по П. Волкову, грубы и некультурны, ленивы и инертны. Эти оценки проглядывают и во многих других этнографических описаниях прошлого века. В основе их вполне достоверные факты ужасающей темноты и отсталости сельской жизни в России вообще, в Вологодском крае в частности. Тяготы крестьянского быта с почти непосильным трудом, бесконечными лишениями и отсутствием всяких надежд на лучшее будущее резко отпечатались на всем облике крестьянина, его творчестве, песнях и языке. Однако крестьянство Севера исторически во многих отношениях оказалось в более благоприятных условиях, чем землепашцы других областей России. На Севере, за исключением нескольких уездов, не существовало помещичьего землевладения. «Государственные» или «черносошные» крестьяне сидели на казенных землях и были сравнительно независимы от своих владельцев. Не было и наказаний, особенно унижающих человеческое достоинство. Северянин чувствовал себя полноправным человеком, писал свое отчество полностью, гордился своими предками и помнил о них.

Что касается той инертности в овладении специальными ремеслами, о которой пишет П. Волков, то здесь, по-видимому, корреспондент «Вологодских губернских ведомостей» подметил важную черту местного быта: доживание

*Жилой дом.
Деревня Конечная.
(Гавриловская)*

своего рода остатков патриархального, натурального хозяйства, когда еще нет подчинения всего производства одной цели — увеличению товара, но сохраняется известная универсализация, когда каждый понемногу то плотник, то столяр, то гончар, то печник. Благодаря этому народное искусство Кокшеньги обладает большой внутренней однородностью и цельностью.

Для социального быта Кокшеньги характерно такое явление, как сплавная торговля хлебом. С середины XIX века стали строить барки и плоты для сплава продуктов вниз по реке, к Архангельску. Крестьянин на время становился купцом, а также и ремесленником, так как работал во время сплава, вырезая игрушки на продажу.

Не менее яркий штрих — традиция пивных праздников, идущая из глубокого средневековья. Перед праздником, как отмечает тот же П. Волков, мужчины варят пиво в огромных чанах, вместимостью до 100 ведер, и такой праздник продолжается иногда по десять дней подряд.

Известно, что деревни труднее датировать, чем города. К началу XII века многие из северных городов уже имели свои биографии, но что касается деревень, то они возникали, исчезали и вновь появлялись непрерывно в течение столетий — и так вплоть до нашего времени. Насколько устойчивы были внешние формы материальной культуры и как давно сложился привычный, ставший традиционным комплекс убранства жилища и одежды? Видимо, мы нередко ошибаемся, произвольно отодвигая в глубь времен хорошо выработанные формы. Имеется немало оснований считать, что развитое народное искусство — явление довольно позднее.

Об этом свидетельствует и предание о происхождении деревни Митино Тарногского района, которая сейчас находится где-то под нами ²¹.

Вначале пришел Степан Попов по прозвищу Синица, и в сорока семи км от Тотьмы, на новом месте, положил начало будущему поселению. Через несколько лет, в 1796 году, к нему присоединились родственники из соседней деревни Климовской. Выкорчевывали лес, сеяли рожь и ячмень. Затем распахали поле, поставили небольшие избушки-дымовки. Через год в новую деревню переселяются братья Ефим и Илья из Подгорной, затем Михайло Иванов Попов по прозвищу Кура из деревни Деминской. Живут и в это время, то есть в начале XIX века, в курных избах с волоковыми окнами, но с двором и сенником. Носят берестяные лапти, холщовые сарафаны, крашенные в красный или черный цвет, балахоны из домашнего сукна, а зимой овчины. Только в 20—30-е годы XIX века появились кожаные сапоги, катанки, шубы и визитки.

В те же годы в быт вошли первые самовары и чай по праздникам. К 50-м годам самовары были уже в каждом доме, но все же чаепития устраивались лишь раз в неделю.

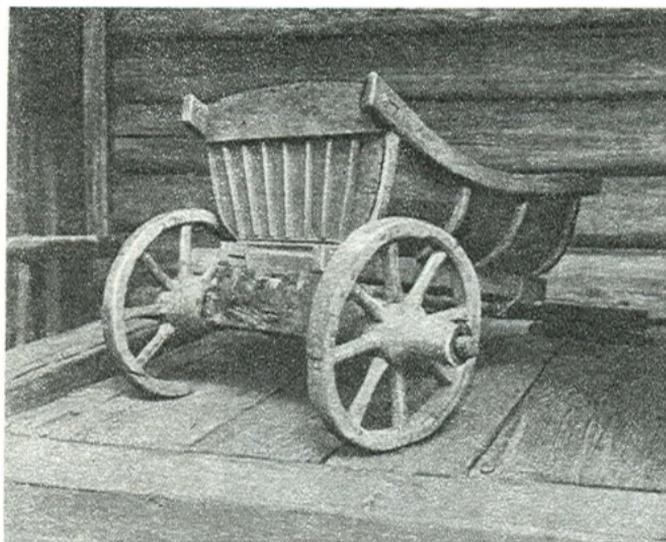
Мы летим над краем, который до XX века оставался наполовину языческим. Здесь еще недавно верили в заговоры, справляли тризны, поедали в трапезных церквей жертвенных животных, варили «братчинное» пиво. Местные священники ужасались: никто не знает молитв, не носит нательных крестов. Зато старый фольклор Кокшеньги полон темных, колдовских заклинаний и песен. Даже игры сохраняли многое от ритуальных игрищ. Молодежь, например, проникала ночью в церковь, и здесь начинались святочные игры с участием ряженых. Из гробов извлекали оказавшихся здесь покойников и, поставив их стоя в углах трапезной, вставляли им в зубы горящую лучину для освещения.

*Сосна близ деревни
Веригино*

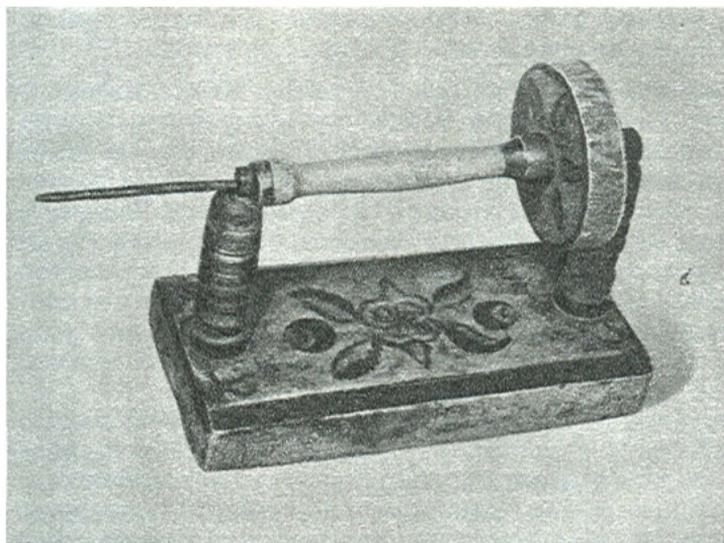
«С великой строгостью» соблюдались вплоть до 1917 года свадебные обряды, глубоко архаичные по сравнению с другими районами Вологодчины²².

Хотя официальным покровительством церкви пользовались источники и часовни во имя преподобного Агапита, массы крестьян-паломников тянулись совсем в других направлениях. В лесах за Пелтосами существовало тайное озеро, где свершались омовения, возможно, связанные с культом Николая и Параскевы, этих, пожалуй, наиболее крестьянских из всех святых русского пантеона. На Кокшеньге долго сохранялись пережитки культового поклонения деревьям. Существовал обычай заключать особо чтимые деревья в особые часовни. Около некоторых деревень сохранились сосны-одиночки, уцелевшие посредине поля несомненно благодаря каким-то запретам. Такая сосна удивительной формы высится на холме над Веригином.

*Детский тарантас,
принадлежавший
А. П. Силинскому.
Деревня Паунинская*

В церковной истории Кокшеньги много туманного, как и в ее светском прошлом. Эпизод с Агапитом убеждает нас, что спокойствие было только внешним и то непрочным и временным. Взрыв недовольства должен был произойти, так как им были чреватые созревающие политические отношения. Это столкновение феодалов-собственников, которым неизбежно должно было стать тесно на маленькой реке. Потребовалось бы особое исследование, чтобы показать, как давно и глубоко велась «подземная» война церковников и монастырей между собой и против представителей местных властей. Во всяком случае, массовый раскол, наступивший в XVII веке, явился лишь наиболее общей формой протеста, созревшего еще ранее в силу стихийного движения, принявшего характер духовного бунта. Вероятно, именно эта острота протеста привела к тому, что здесь, на Кокшеньге, сложились наиболее ретивые секты беспоповцев, например, Филипповского и Федосеевского толка²³.

Скальна.
Деревня Конечная
(Гавриловская)

Вместе с тем именно здесь, в Тюробери и Верховье, где были особенно сильные позиции раскольников, их деятельность протекала в хорошо организованных формах, что не могли не признать и сами церковники.

Кокшары были связаны с Москвой и Петербургом, получали оттуда книги. Никаких насильственных и «противозаконных» действий не предпринимали, но страшно пугали начальство самим фактом своей спокойной силы. Церковники-миссионеры, наезжавшие, чтоб уговаривать и увещавать, обычно уезжают ни с чем, так как раскольники стоят на своем и отступить не намерены. В одном пункте позиции старообрядцев бесспорно сильнее: они умеют и любят хранить старину. Они долго добивались того, чтобы им передали известную церковь в Верховье, которая обещала настолько, что «птицы свободно залетают внутрь храма и носятся в нем, ветер врывается и, завывая, гуляет в темной, с заколоченными окнами церкви, дождь, проникая через дряхлую крышу, распространяет в храме

сырость»²⁴. Может быть, старообрядцы и действительно смогли бы спасти от гибели этот бесценный храм?

Художественно-историческое изучение Кокшеньгского края сегодня уже достигло такой ступени, когда можно вплотную подойти к вопросу об организации музея-заповедника. Эта мысль сейчас будоражит умы многих жителей Тарноги, как и других городов Северной Руси. Конечно, идея уж давно не новая. Но для Кокшеньгского края это не просто разговор с благими пожеланиями. Здесь уже многое сделано вполне реально. В Тарноге сегодня бы легче сделать первоклассный музей в короткий срок, так как уже проведена громадная работа по научному освоению целины этого края.

Фундаментальное значение имеют труды А. Бобринского, И. Билибина, И. Грабаря, Р. Габэ. На Кокшеньге работали научные экспедиции Государственного исторического музея, Вологодского областного краеведческого, студенческие экспедиции Московского высшего художественно-промышленного училища (бывш. Строгановского). Собрано несколько ценных коллекций, которые могли бы лечь в основу музейного собрания. Но, разумеется, никто еще сейчас даже не представляет в должной мере всей сложности задачи.

Главная задача сейчас — не повредить делу поспешной небрежностью и желанием сделать и собрать сразу все. Крайне важно, чтобы вещи собирались комплексно. Не менее важно, чтобы экспедиция помогала выявлять непосредственную красоту предмета, материал. Ограниченный этнографизм, притупляющий эстетическое сознание, здесь был бы неуместен. Нужно и важно все: порядок нумерации и хранения папок, форма описания. Здесь не должно быть никакой кустарщины, и очень важно, чтобы с первых шагов дело попало в серьезные руки, к настоящим специалистам. Туристы-путешественники могут, в лучшем случае, оказать попутную помощь.

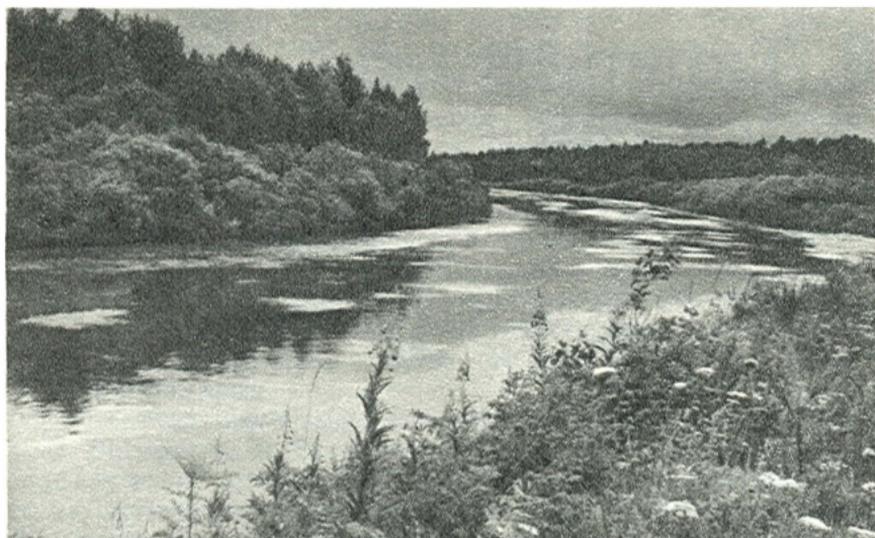
3. Тарногскими дорогами

После сутолоки и грохота Вологодского аэропорта, после беготни за билетами, стояния в очередях, добывания места в гостинице воцаряется полнейшая, необъятная и всепроникающая тишина. Тишина, видимая глазом, воплощенная в линии горизонта, в изгибах речушек и песчаных кос. Весь пейзаж построен на двух тонах: темный с синевой и светлый с золотисто-зеленым оттенком. Ничто не топорщится, не торчит, не нарушает покоя. В поле зрения — ни одной вертикали или крупного объема. Все плавно разостлано. И только косые изгороди словно приподнимаются над землей, устремляясь в полет, и повисают наклонно, в несколько ярусов, энергичной штриховкой обозначая лепку рельефа.

Ценности Тарноги небанальны, непритязательно скромны, как и ее народное искусство. Нет эффектных ударов. Все просто в своей будничной, скрытой праздничности, как просты вересковые поляны и лесные дорожки, покрытые мягчайшим пепельно-светлым песком.

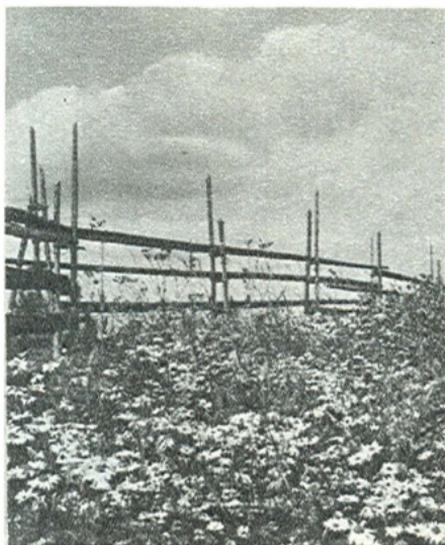
Пожалуй, наиболее общей чертой местного ландшафта можно считать легкость, просторность, открытость линий, красок, ритмов. Все они сопряжены с далью, распахнуты в высокое небо, не подавляют друг друга, но постоянно открывают все новые планы. Рельеф слегка всхолмленный. Преобладают сухие песчаные почвы, встречаются сосновые боры с черникой и брусникой, вереском и можжевельником. Правда, немало и заболоченного мелколесья.

Одна из эффектных и величественных картин могла бы быть названа «дикий» или первозданный Север. Таким он

Река Кокшеньга

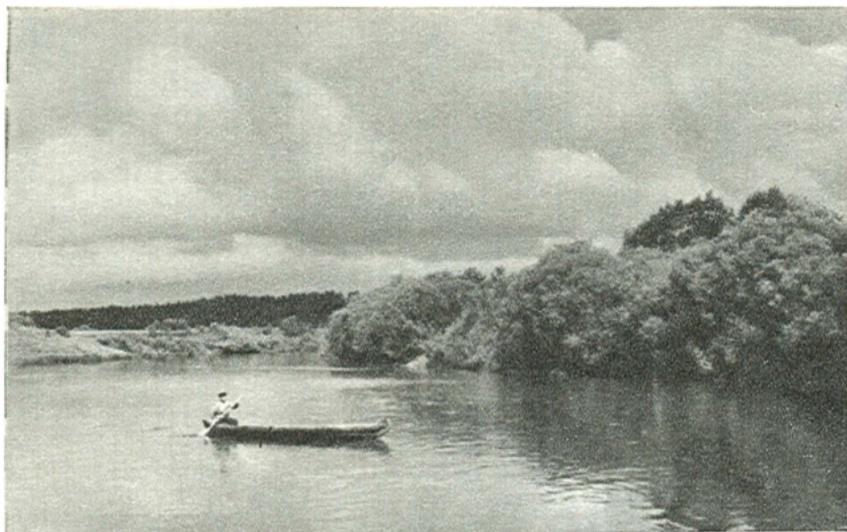
является, когда отдаляешься на 3—4 км от речной долины и попадаешь в дебри тайги. Сквозь чащу с ревом продираются потоки, много бурелома. Под ногой вязнут полусгнившие осиновые стволы, утопая в болоте. Никаких признаков человека, если не считать редко разбросанных сторожек и лесопунктов. Углубляться в такие дебри неопытному туристу опасно. Совсем другое зрелище ожидает его на берегах озер или излучинах реки. Тут тоже малоллюдно. Можно долго шагать по изумительному песчаному пляжу и не встретить человеческих следов. Но здесь Север — звонкий, стрекозиный, прохладно-журчащий в жару, буйно цветущий луговыми травами по пояс и по грудь идущему. В средней полосе не найти таких ярких и крупных полевых цветов. В долгие летние дни, когда почти незакатное солнце сильно прогревает землю, в долинах рек вырастают как на дрожжах гигантские джунгли из влажных и сочных зонтичных растений пополам с лопухом, болотными травами. Дурмящий аромат почти

... Цветут луговые травы

нестерпим, особенно в сочетании с комариными атаками. Спасение — открытые песчаные косы, где тянет ветерком и где удобно разжечь костер.

Север светел в сухую погоду. Дерево строений выбелено временем, и у каждого дома белилами обведены рамки окон. Сосняки местами словно растут на белом снегу, отливающим розово-зелеными оттенками. Это хрупкий и кружевной олений мох-ягель, выстилающий, словно одеялом, долинки и бугорки бывших дюн. Ершистые стволы в лишайниках чернеют четко, как на гравюре. Такой лес обычно таит в себе миллионы скульптурных изваяний в виде серых, словно доисторические кости, скелетов елок и крупных можжевельников. Почвенный слой здесь тонок: ткнул землю в лесу под темной прослойкой, не толще бутерброда — желтеет песок. Сгорит костерок, и вот уже нет почвы, на месте его — горячая плешь. В июле, когда часто выпадают очень знойные дни, такие леса наполняются потрескиванием и шорохом, словно они дымятся и

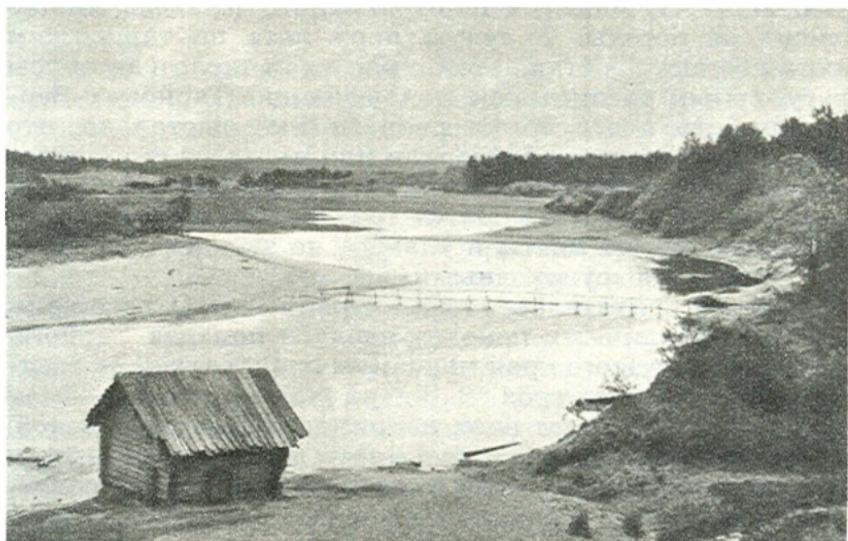

*Переправа
на лодке—«долбленке»
через реку Кокшеньгу
у деревни Игумновской*

разгораются на солнце. Колонии маслят скрючиваются, земляника становится темно-вишневой.

Пейзаж неяркий, но красочен. Овражки и склоны рдеют малиновым иван-чаем. Оранжевым отливают обнажения земных пластов. А в лугах царят колокольчики — то крошечные, вроде лазурных бусин, то огромные и влажные, как фиолетовые гроты.

Люди Тарноги много, практически постоянно работают, не щадя себя, но все же и в них есть какая-то особенная тишина и внутренняя просветленность. В манере жестиковать здесь мало обычной крестьянской размашистости и резкости, взамен проявляется другое: спокойная уравновешенность и какая-то легкая, тонкая ироничность в сочетании с необычайно плавной модуляцией речи. В этом мире тяжелые вопросы — такие, например, как, где жить, что есть, где спать, на чем ездить, — решаются легко и быстро. Все, что есть в доме, — ваше, а недостаток комфорта искупается настоящей доброй заботой со сто-

«Лавы» — переход через реку Кокшеньгу у деревни Конечной (Гавриловской)

роны тех, кого вы порадовали, воспользовавшись их гостеприимством. Здесь почти никогда ничего не приходится объяснять. Достаточно нескольких слов, чтобы все стало понятным. Это относится и к разговору о народном искусстве. Много раз приходилось дивиться меткости суждений крестьян о творчестве своих односельчан. Неторопливо раскладываются ткани из коробьев. Здесь можно часами смотреть, наслаждаться не только зрелищем красоты, но и поэтичной напевностью умного, веселого разговора.

Мы не раз замечали, сколько душевной благожелательности проявляли эти чужие люди, которым мы ничего не давали и только мешали им работать. Но стоило заинтересоваться какой-либо деталью избы, как хозяин приносил пилу и радушно предлагал отпилить и увезти с собой на память понравившуюся нам часть дома. Было бы слишком долго перечислять всех, одаривших нас своим гостеприимством. Случай дает счастливую возможность выразить им общую нашу благодарность.

Что касается способов передвижения, то здесь многое зависит от погоды. В сухую пору лета по тарногским дорогам бегают десятки автомашин, в том числе и автобусы с регулярным расписанием, связывающие Тарногу с Верховьем. Зато в это время реки мелеют настолько, что пробраться по ним на байдарках или на плоту становится почти невозможным. В период затяжных дождей взамен машин на дорогах появляются тракторы, а реки выходят из берегов, сносят мосты и «лавы», но зато на несколько дней становятся «судоходными».

Вместе с читателем этих страниц мы совершим несколько различных походов вдоль и поперек Тарноги, чтобы взять от этого края максимум впечатлений за трех- или двухнедельный срок. В центре района (но не в самом городке, а в стороне от него, например, в Новгородовской) оборудуем опорную базу и после двух дней отдыха свежим солнечным утром выезжаем в северо-восточном направлении.

К ВЕРХОВЬЯМ КОКШЕНЬГИ. Попутная машина везет нас к верховьям Кокшеньги, в тайгу. Тянутся дома Озерецкого сельсовета, украшенные по фронтому размалеванными часами, черным по белому. За Озерками раскинулись плоские земли Верх-Кокшеньги. В правлении колхоза, куда заходим на минуту, ошеломляет своей живописностью расписной шкафчик, весь в розово-коричневых букетах. Дальше начинается путь пешком, в белую ночь через лес, мимо крошечного поселка Айга, по дороге, разбитой лесовозами. Под утро, немного поспав у костра над таежной речкой, вступаем в царство осиновых болот. Нога с трудом удерживается на влажных пустотелых стволах, уложенных по длине, то и дело соскальзывает в гнилую трясику. Скоро кончается и эта мостовая, и след исчезает. Разведчик, залезший на высокую ель, сообщает: просветов нет. Началось многочасовое блуждание в хлюпающих дебрях, пыльно-рыжих и косматых, как ветхая рогожа. И когда убедились, что потерялись окончательно, лес вдруг раздался и в глаза ударило голубое с зеленым льняное поле, а за ним, в солнечном зное, уютно просияла навстречу нам полузаброшенная деревня Баклановская, крайний рубеж Кокшеньгского края, его исток.

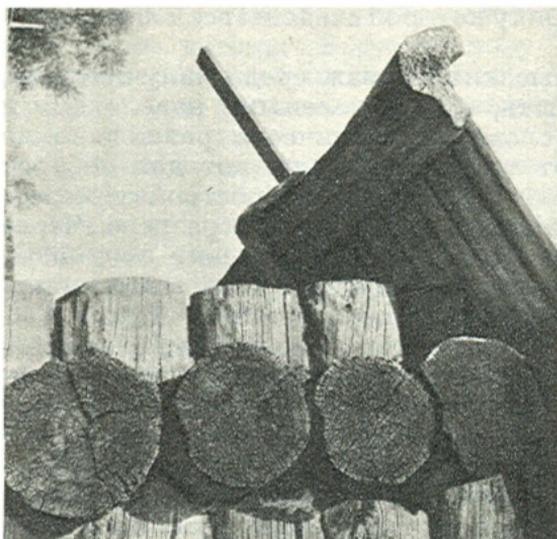
БАКЛАНОВСКАЯ. Это, строго говоря, не одна, а несколько свободно раскинутых деревень, но подчиненных общему ритму и единому центру — деревянной церковке Всех свя-

тых, к низкому шатерику которой сведены все линии, даже в пейзаже.

Деревня на разновысоких холмах, среди излучин реки, сплетенных, как лапоть, с ярко-зелеными наволоками и елками в центре — словно кубистически разложена на группы объемов: вот три дома в ряд, вот два смотрят направо и два налево. Одну и ту же постройку можно видеть с разных сторон: сверху, снизу, в разрезе. Через реку переброшены «лавы». Церковка сильно порушена: дощатая обшивка кое-где содрана, сруб покосился, шпиль облез. Памятник собираются переводить в Тарногу. А дальше, за храмом, привольно раскинулась нижняя, наиболее оживленная часть деревеньки; один бок ее купается в воде, а другой подпирает широкий угор во ржи, с синевой леса вдаль. Перевалишь угор — сверху устремится, чиркая слегами, изгородь прямо в озеро. А оно выложено по краям толстым мхом и опушено елками и ольхой, чтобы не остывало в холод, не прогревалось в зной, а всегда было прозрачно-свежим, холодно-небесного цвета, овальное, без изрезков и островов — обтаявшая льдинка от древнего ледника. А потом опять и опять угор, еще раз мелькнет ржица, овес ли, просветится лен и глухо задергивается все серым пологом тайги. Большую часть года деревня Баклановская отрезана от остального мира. Летом сюда могут приехать только тракторные сани-волокуши.

Не удивительно поэтому, что в деревне этой сохранились редкие образцы народного творчества, например, архаичная плотницкая мебель с топорными вытесками, могучими дугами и кубцами, как, например, в доме Марии Ульяновской. У печных голов огромные фигурные волюты — «уши». Радужно раскрашены в эмалевые цвета переборки («заборы») и голубцы. Варьируются и сочетаются белый, голубой, зеленый и синий с желтым, как в устюжских эмалях XVIII века. Еще недавно здесь занимались выделкой плетеных изделий из бересты: плели солоницы, коробочки, пестери и т.д. Ныне деревня, в сущности, близка к полному исчезновению. Половина домов уже забита, хозяева покинули их.

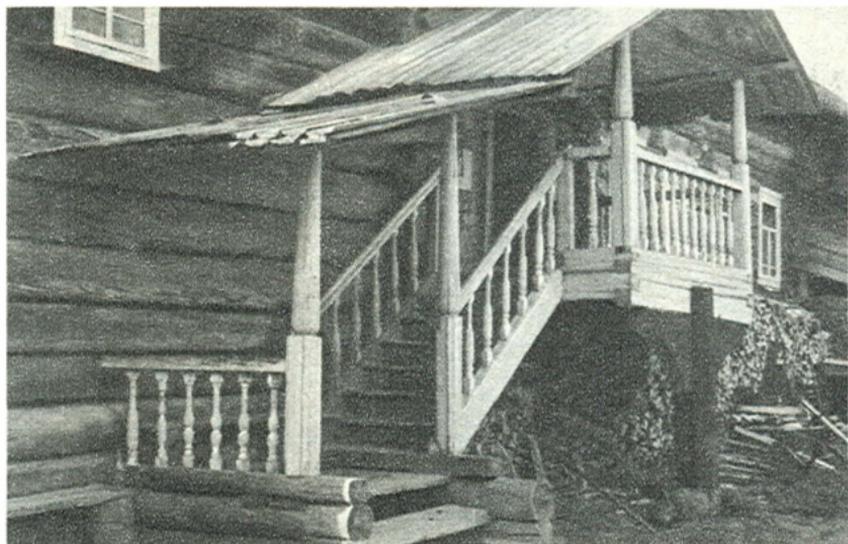
На обратном пути из Баклановской мы наблюдаем, как рождается лесная река. Вначале что-то сочится и набухает у приозерного зыбья, накапливается, переливаясь через кочки, и вот уж бежит, омывая кусты, качая цветы, маленькой темной Печеньгой, настоящей на горьких корнях и хвое. Но вот выбилась из-под еловых лап и прозвела первым перекатом, и взяла тон, певучий и непрерыв-

Угол дома.
Деревня Новгородовская

ный, и подчинила сама себя ритму мелких зыбей, сгоняющих пену у затопленных коряг. И развернулась мелодия изгибов: широкой дугой справа, потом слева в ответ. И пошли чередоваться отмели и глубины, желтые размоины и зеленые лужки. У большой излучины возникло препятствие — затор, будто нарочно затем, чтоб звонче и богаче пело. И вот уже перезвон камней, их синяя россыпь и дробь галечника.

НОВГОРОДОВСКАЯ. Следующий наш поход посвящен осмотру Новгородовской и ее окрестностей. Древнейшая из деревень края красуется над высоким красноватым обрывом, омываемым снизу рекою. Глубочайшие овраги как естественные рвы ограждают тесно сгруппированную слободу, сохранившую несколько образцов древней архитектуры: крыльцо на столбе, «солдатики» — стамики на кровле, срубы из бревен до 60 см толщиной, оторцованные топо-

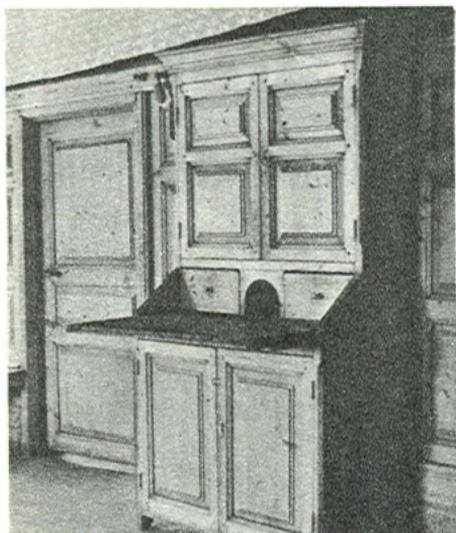

*Крыльцо дома на столбе.
Деревня Новгородовская*

ром. Можно наблюдать сложно устроенные системы водостоков: дождевая вода бежит по наклонным желобам из выдолбленных половинок бревна в специальные отстойники, вырытые в земле и прикрытые дощатыми кровлями. Дома в Новгородовской обставлены циклопической мебелью. Массивные, толщиной до 13 см лавки имеют здесь развитую объемную форму с боковой стенкой — «коником» — и тесаными кронштейнами, как, например, в домах П. И. Силинской, Тархановых.

Архаичны громадные резные скамьи, сохранившиеся в некоторых домах, в частности у Е. И. Силинской, Насоновых. Насоновский образец особенно древен и многозначителен по своей символике: он напоминает лик домового.

В толщу бревенчатых стен врезаны висячие полки-ниши и «полавочки», образующие нависающий угрюмый карниз над верхним краем окон. Наряду с плотницким нарядом сохранилось множество точеной мебели того же времени, то есть конца XIX — начала XX века.

*Встроенный буфет
с откидной доской.
Деревня Новгородовская*

Некоторые интерьеры отличаются красочностью. В горнице у П. И. Силинской на фоне темно-синих обоев резко и звучно полыхают ярко-алый буфет и киноварно-белое полотенце. В соседней комнате все занавески различного рисунка, но одного колорита: красненькие и розовые цветочки.

В зимней половине дома Насоновых мебель скомпонована в виде сложного комбайна: шкаф служит перегородкой, с ним связана широкая кровать и лесенка, ведущая на печь. И все это окрашено в алый цвет, оттененный полосами белого и синего.

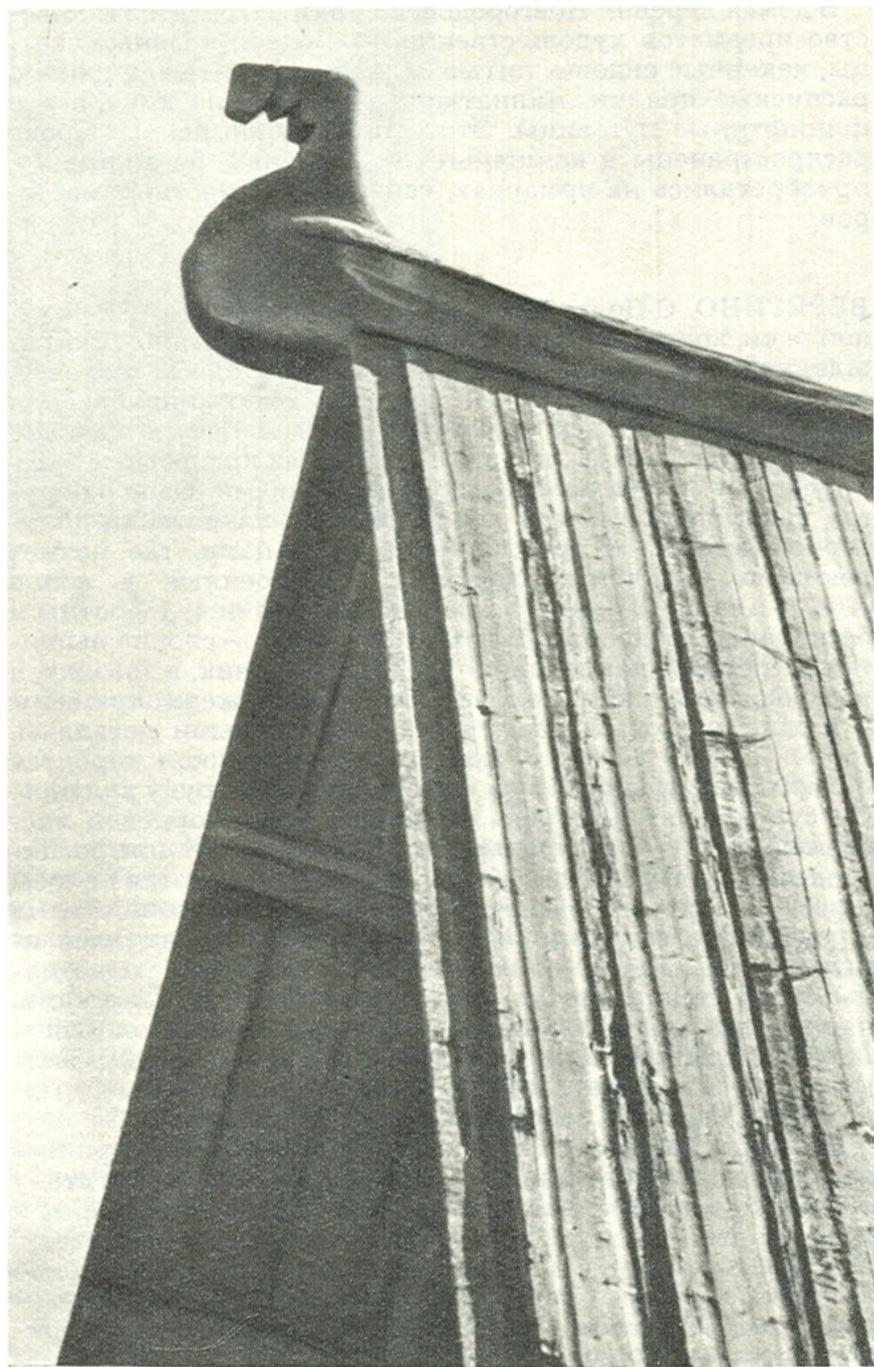
В другом доме в переборку — «забор» — ловко встроен дощатый, некрашенный буфет классических пропорций, с откидной доской и арочной нишей. Удивительно органичное сочетание городского типа с деревенской ярусно-полощной системой.

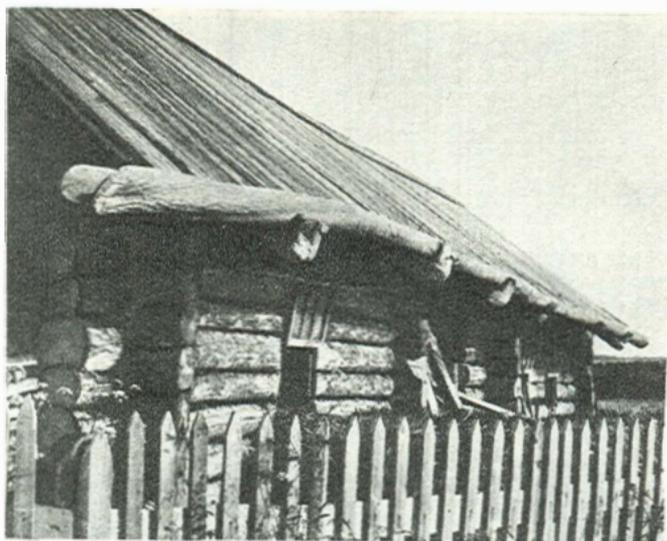
Возле этого буфета сохранились не только лавки с коником, но даже не сняты еще и полати.

В домах деревни Новгородовской нам встретится множество предметов художественного ремесла: кованые светцы, чеканные ендовы, литые складни, вышитые рушники, расписные прялки, миниатюрные иконки из кипариса и финифтяные пуговицы. Эти вещи вообще были широко распространены в кокшеньских деревнях, по-видимому, приобретались на ярмарках, торжках и у местных мастеров.

ВЕРИГИНО. С Новгородовского обрыва, за широкой долиной реки, хорошо видно соседнее село — Веригино. Прегражденная деревянной плотиной, Уфтюга здесь грохочет, падая с водосброса. В ней дробятся очертания банек и домов, взобравшихся на кручу. В самом центре деревни сохранились амбары, внушительные, как крепостные башни, с дверьми, обитыми секирными замками. Одна за другой выступают в немом хороводе избы-пятистенки полуторной высоты с прохладными крыльцами, где пахнет вениками и парным молоком. Построенные в конце XIX — начале XX века, дома эти еще прочны, добротны и бесконечно разнообразны. Вот постройка — словно вышитая, затканная накладными узорами в зубчик, в звездку, в ромбик, солнышком, в елочку. Тесовые кружева окрашены в нежно-кремовый цвет, оттененный белыми деталями. Рядом с этой немного приторной косметикой горбится почернелый гладкий сруб, приподнятый на груду валунов. Он суров и скульптурен. На кровле его — корневой массивный конь — «охлупень». А дальше сверкает дом, расписанный по свесам кровли «в шахмат». Чередуются полосы и ромбы желтого, красно-коричневого и черного цвета. На фронтоне можно различить истершиеся следы намалеванных вазонов. Здесь можно встретить постройки с пластичными, вытесанными из осины желобами-водоспусками, подхваченными развилчатými «курицами». У околицы лежит огромный еловый корень, грубо отесанный в виде коня. Это заготовка для будущего охлупня, который предназначен увенчать собою вновь построенную избу.

В интерьере веригинских домов еще удержались припечные и придверные коники, кухонные, врубленные в стену стеллажи и полки, гладко тесанные бревенчатые стены и обнаженные потолки, накатанные из кругляков. Правда, преобладают стены, оклеенные обоями преимущественно голубых, зеленых, бирюзовых оттенков. Здесь можно увидеть красивейшие льняные скатерти Красавинской фабрики, вытканые лучиками и ромбами. И рядом хозяйка в

Фронтон жилого дома
с охлупнем. Деревня
Веригино

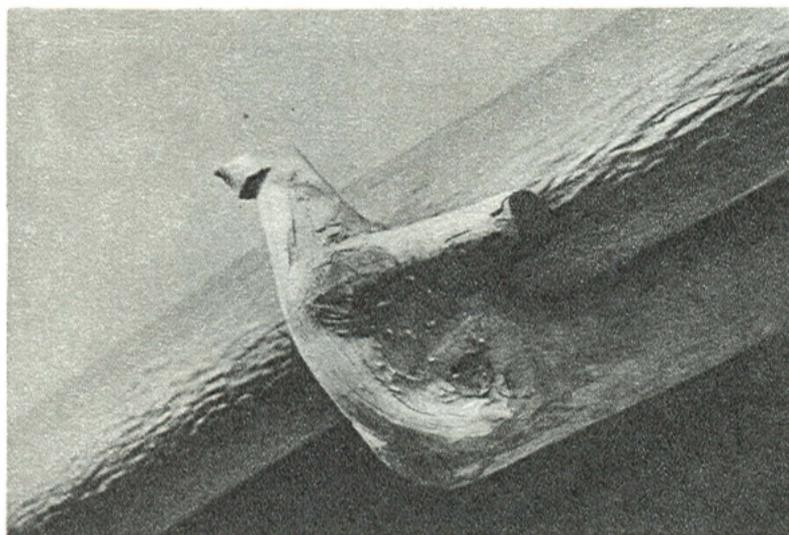
Водосточный желоб

←

старинном наряде, в шитой золотом шапочке — «борушке». Почти в каждом доме есть изделия местного художества в виде коробок и шкатулок, рамок и полочек, оклеенных цветной соломкой.

В Веригине еще недавно был свой художник-самоучка, Василий Иванович Силинский, расписывавший прялки и мебель, резавший из дерева бесхитростные сценки на темы пушкинских сказок и крыловских басен, потешные фигурки, вроде двух лягушат с блестящими глазами-гвоздиками на углах скамейки.

ПУТЬ НА ВАЙМЕЖ. За Веригино через голубые поля, мимо пустынного лесного озера, кишашего рыбой, путь наш лежит на Ваймеж, к деревням Климово, Конец, Подгорная. Здесь на редкость красивый рельеф — вздыбившиеся берега Уфтыги, тихие заводи внизу, перепады высот на каждом шагу.

«Курица»

В Климовой сохранилась деревянная часовня посредине деревни, несколько богато декорированных домов, например, дом Ворошиловых.

В деревне Конец много интересной старины хранит дом колхозного бригадира П. Ф. Чахутина. Здесь можно увидеть резное подстолье XVIII века, красиво прилепленное по формам.

Нарядны расписные дуги с рельефными львами. Львы окрашены в ярко-зеленый цвет, и у них далеко высунуты пляшущие злые языки.

В той же деревне еще недавно хранилась деревянная рельефная иконка с изображением Георгия, простой, возможно, местной монастырской работы. Гостям демонстрировался также огромный ковш-скопкарь, точнее — «сельница» для муки. Среди обычной застройки порой мелькает нечто незаурядное, как, например, дивный по пропорциям амбарчик в деревне Подгорная. Почти во всех усадьбах устроены маховые качели («качу-

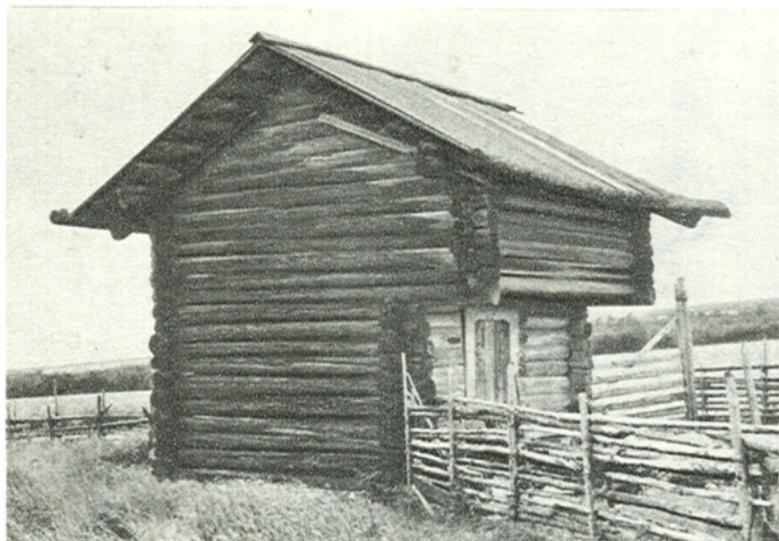

*Охлупень
и резное «полотенце».
Деревня Конец*

ли») — любимое развлечение местных детей. Качели для взрослой молодежи устраивают где-нибудь за деревней, над рекой, близ леса. Это сооружение из нескольких врытых в землю столбов с перекладкой и подвешенным сиденьем. Размах их необъятен. Взлететь как можно выше и дальше — заманчиво и почетно. Детские качули пристраиваются к стенам домов, к сараям и калиткам, подвешиваются на пустых чердаках.

Для большей занятности сверху прикрепляют флюгер, вертушку или игрушечный самолет с вращающимся на ветру пропеллером.

РОМАШЕВО. Впереди — Ромашево, большой куст деревень, где сохранились остатки деревянной церкви, переделанной в колхозный клуб. Неподалеку, среди леса, раскинулось Синяковское озеро. В нем, по преданию, погибло чудское войско, осаждавшее Тарногский городок²⁵.

Амбар. Деревня Никитино

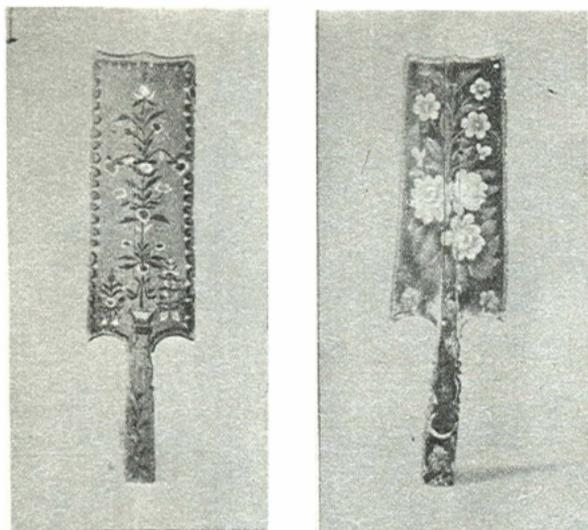
ЛОХТА. После Ромашева можно свернуть в сторону от Уфтьюги, чтобы побывать на Лохте. Это группа старинных деревень, где таится множество памятников архитектурного и бытового искусства. В плохо сохранившейся каменной церкви остатки резного многоярусного иконостаса, увенчанного скульптурной группой Распятия. Во многих домах попадаются редкостные по красоте прялки «лохотского» типа. В старых, уже заброшенных постройках обнажилась могучая внутренняя конструкция, бревенчатый скелет здания. Здесь доживает свой век немало ветхой резной мебели: встроенные кровати с четырьмя маковками, точеноногие столы с длинными узкими крышками, зеркала в пышных прорезных рамах, различные принадлежности ткацкого ремесла, рассыпающиеся от дряхлости сундуки и коробки классического северного типа. На Лохте можно увидеть нарядные праздничные костюмы, «борушки», польхающие золотом платки, радужные тканые кушаки, которыми подпоясывали сарафаны. Хозяйки, если у них

*Переметная скамья.
Деревня Гора*

есть свободное время, большей частью с радостью извлекают домашние сокровища, охотно демонстрируют их, вполне сознавая их художественную ценность.

В РАЙОНЕ ВЕРХОВЬЯ УФТЮГИ. Продвигаясь вверх по Уфтыюге, мы проходим через большие старинные селения бывшей Заборской волости и, наконец, добираемся до верховья, где высится небольшая шатровая деревянная церковь Георгия, что на Поче, или «Поце». Она датируется XVIII веком, отличается некоторой хрупкостью пропорций, узким восьмериком, двойной рубленой апсидой, красиво вынесенным двухвосходным крыльцом. В расположенном невдалеке селе Верховье еще сравнительно недавно красовалась удивительная по своему облику церковь Богородицы с пятью маленькими шатрами постройки, вероятно, XVII века. В 1908 году верховская церковь была отремонтирована, точнее, переложена заново. Впослед-

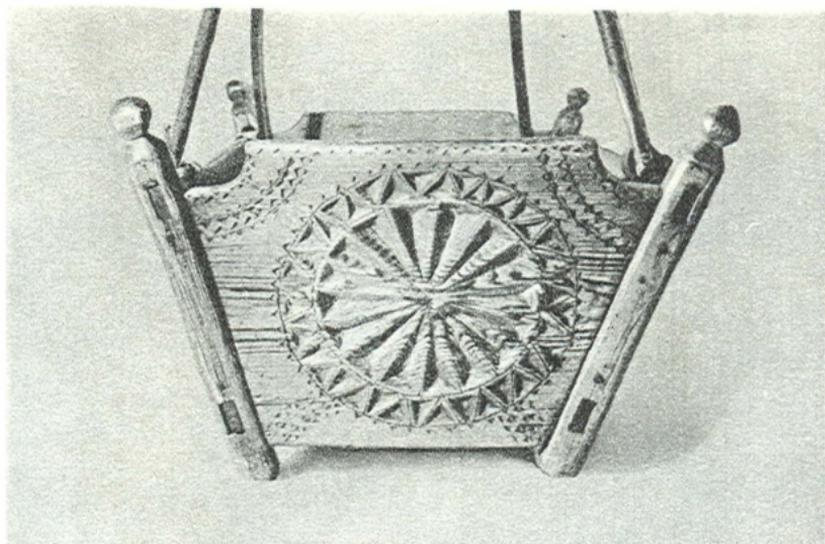

Прялки раскрашенные

ствии это здание стало использоваться под школу, а затем погибло.

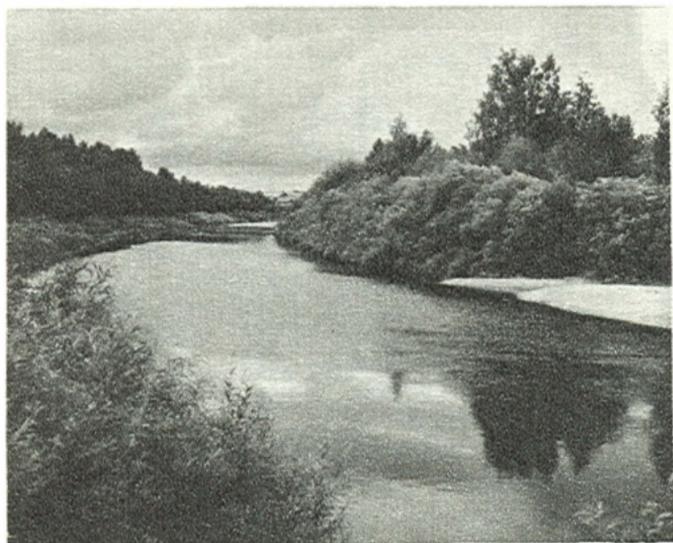
В районе верховья Уфтюги путники встретят множество деревень, сохранивших кое-где «черные» избы, глинобитные печи, полный комплект плотницкого наряда. В деревне Подкуст можно еще отыскать следы существовавшего здесь гончарного промысла. В Сивково следует завернуть, чтобы осмотреть дом, обильно украшенный резьбой. Немало интересного можно найти во Власьево, Доронихе, Цыбунихе, Баранихе, Володине, Гусихе.

ДОЛГОВИЦЫ. В нескольких километрах ниже Новгородской, на правом берегу Кокшеньги, расположены Долговицы — группа из нескольких почти слившихся деревень: Никитино, Матвеевская, Гора, Афонино, Подволочная, Нижняя. У первой же околицы встречаем прекрасный старинный амбар со скульптурно вырубленными колодами

*Детская зыбка.
Резал Я. М. Лукин
из деревни
Хайбутиха в 1867 г.*

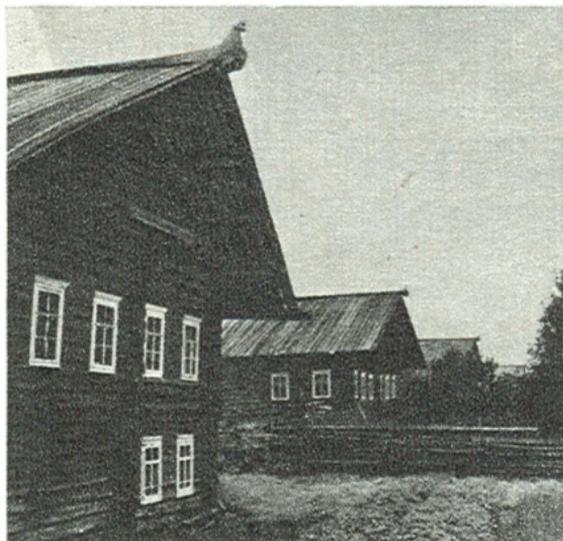
дверей, монументальный по форме. А дальше вырисовываются мощные дома с коренастыми коньками-охлупнями на крышах. На некоторых красуются сдвоенные или разнообращенные охлупни, а один дом, блистающий радужной окраской, со всех сторон украшен ими. Даже крышка кадушки получила маленький, ярко-красный охлупень. Живущий здесь П. П. Вячеславов не оставил без внимания ни одной детали экстерьера и интерьера своей постройки. В комнатах резные и расписные полки, кровати, шкафчики. Печь вылеплена фигурно, разрисована и датирована. Впрочем, узоры эти несколько навязчивы и лишены строгости. Гораздо интереснее посмотреть образцы старинного внутреннего убранства, сохранившегося в доме А. И. Шабановой. Здесь все конструктивно и крепко, гармонично по пропорциям, хорошо выявлена красота спокойных чистых плоскостей гладкого дерева. Кажется, что во всем внутреннем наряде нет ни одной случайной линии и поворота формы: настолько строго все обусловлено рациональной

*Река Кокшеньга
у деревни Ермолинская*

полезностью и законом красивой композиции. Несколько цветowych ударов (расписной сундучок, тканый половик) оживляют красочный строй интерьера. Но в целом все строится на основе геометрических соответствий и выявления тектонической красоты материала.

В Долговицах можно обнаружить старинные, в том числе и рукописные, книги, редкую по форме мебель, например, скамьи с «опрометными» спинками, позеленевшую медную посуду. Во многих домах сохранились расписные ярко-красные прялки с характерным узором в виде короны работы мастера Нестера Борисовича из деревни Гора, начала XX века. Здесь, в долговицких деревнях, еще нетрудно разыскать образцы старинных одежд, головных уборов, финифтяных и филигранных пуговиц, кружевных гайтанов, многоярусных бус и ожерельев, характерных для праздничного костюма местных крестьянок. Попадают лоскуты старинной кубовой набойки. И, разумеется, вышитые полотенца.

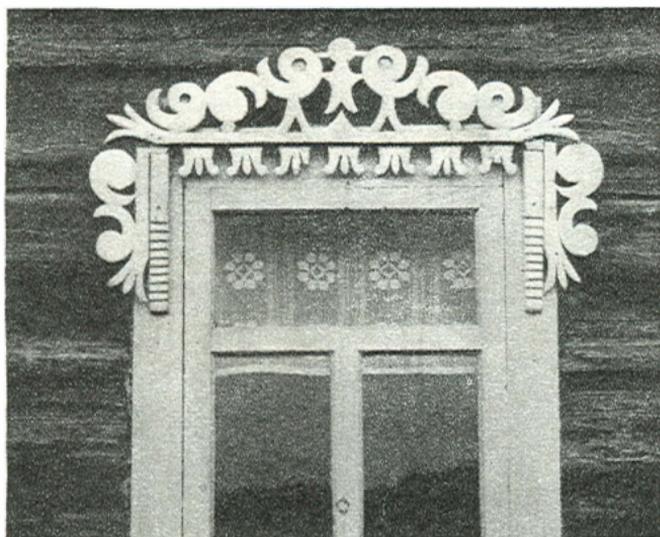

*Улица в деревне
Паунинской*

ЕРМОЛИНСКАЯ. Ермолинская едва ли не самая уютная и характерная деревня в среднем течении Кокшеньги. Скрытая среди лесов, она взобралась на высокие откосы, рассеченные глубочайшими оврагами, окаймлена деревянными деревьями, отмечающими место бывшего погоста, от которого сохранилась только переделанная под магазин крошечная часовенка над крутым обрывом. Грандиозные деревья, шумящие над селением, высоко над речной долиной, заросшей ивняком, придают Ермолинской нечто былинное, величавое.

Побываем в одном из домов этой деревни, у Зыковых, чтобы представить себе, что таится под серыми дощатыми кровлями других таких похожих и таких разных домов.

За входной дверью расстилается необычайно просторное, почти свободное от мебели пространство. Сбоку дощатый «забор», отгораживающий кухню. Сквозь широкие отверстия в «заборе» выглядывает оформленный нишами скульптурный бок печи. Пространство над переборкой

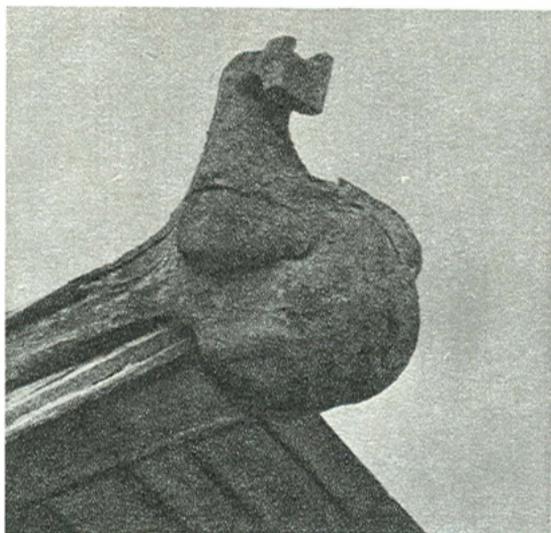

*Оконный наличник на доме
И. А. Сухорева. Резьба.
Выполнена В. И. Поповым
в 1960 г.
Деревня Конечная
(Гавриловская)*

завешено темно-синей полосой ткани. Тускло блестит медный таз умывальника у входной двери. Ему вторит самовар под вышитым полотенцем. Среди других вещей в доме Зыковых хранилась удивительно красивая резная зыбка, прялки и огромный безмен из капового нароста.

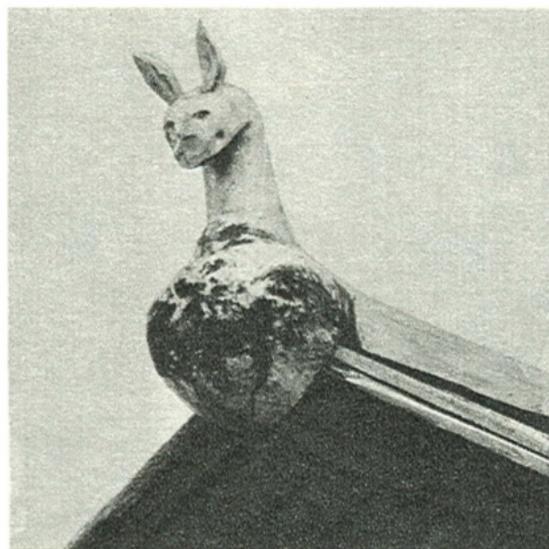
В двух километрах от Ермолинской недавно еще существовала глухая, ныне покинутая деревня Костериха, в которой можно было встретить старинные полки, врубленные в сени, дедовские подстоля. В одном из домов, у А. И. Максимовской, выделялись живописные узоры, выполненные синей, белой и красной краской руками дочери хозяйки, девятилетней Галей. Орнаменты в виде лапчатых цветов украшали печье, буфет и отдельные предметы в доме, сообщая им сказочное великолепие.

ТЮРЕБЕРЬ. За Костерихой, после двух часов лесной дороги, открываются холмы и береговые террасы Тюребери,

Охлупень.
Деревня Конечная
(Гавриловская)

большой группы старых деревень, славившихся в прошлом своей яркой приверженностью к расколу, да и теперь еще сохранивших кое в чем остатки бывшего недоверия к идущему извне. Деревни эти — Конечная, Паунинская, Горка, Хабаровская — идут цепочкой, одна за другой, образуя живописную композицию, раскинувшуюся на склонах высокого берега на протяжении нескольких километров. Ни в одной из тарногских деревень нет такого внушительного зрелища, как вид вдоль улицы по деревне Паунинской, где высится шеренга фронтонов, увенчанных скульптурными охлупнями, иногда похожими не столько на коня, сколько на птицу или зайца. Самый рельеф местности здесь словно специально подобран так, чтобы выявить и усилить пластическую выразительность построек. Достаточно обратить внимание хотя бы на то, как гордо увенчан домами холмистый выступ деревни Горка. В деревне Конечная (Гавриловская) интересны наличники, точнее — «лобанки», то есть верхние венчающие части

*Охлупень.
Деревня Пауниинская*

окон. Некоторые сделаны в виде стилизованных человеческих фигур, другие по силуэту похожи на птичьи крылья. Здесь можно увидеть могучий пожелтевший от лишайников охлупень, снятый с кровли за ветхостью и установленный перед домом, подобно скульптурно изваянному привратному льву. В полуразрушенной баньке неожиданно обнаруживается склад старой мебели. На свет появляются точеные формы кроватей, скамьи и поломанные коробы.

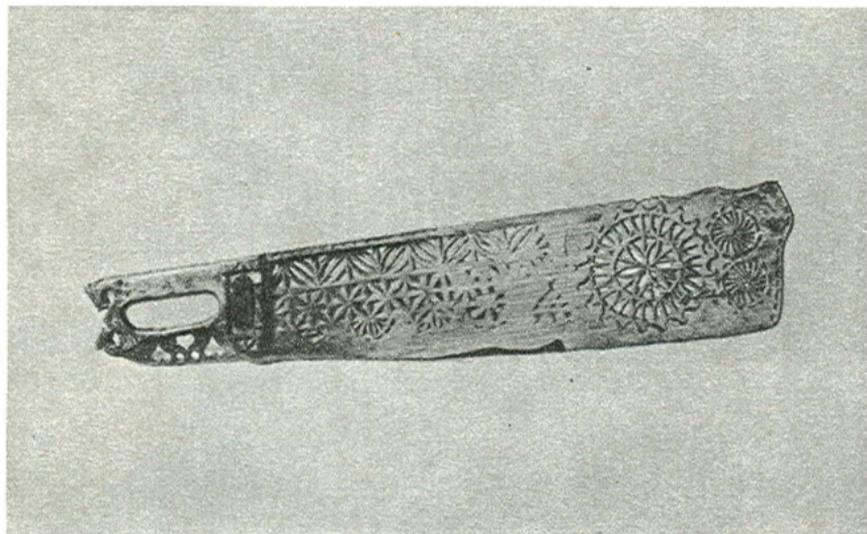
Еще более ценны сохранившиеся «живые» интерьеры, в которых традиционные формы обычно сочетаются с новомодными. Старые дома постройки 70—80-х годов XIX века сохранили нарядную и конструктивно продуманную систему мебелировки. Филенки «заборов» и встроенных шкафов окрашены в зеленый, белый, коричневый, синий цвета. В «ампирных» ромбах, веерообразных уголках и розетках помещены пышные цветы. Самодельные стулья, также ярко и контрастно окрашенные, отделаны резной

*Фрагмент жилого дома
Р. А. Тимофеева.
Деревня Хабаровская*

деревянной опушкой, а профиль ножек и спинки напоминает классические образцы стильной мебели. Здесь обычны круглые и многогранные столы со сложно разработанным звездообразным подстольем из множества кронштейнов с завитками, укрепленных на общей крестовине. Окраска столов самая неожиданная: например, красные с белым «яблоком» ножки и алое подстолье. Крышка сверху желтая с радужной розеткой и уголками.

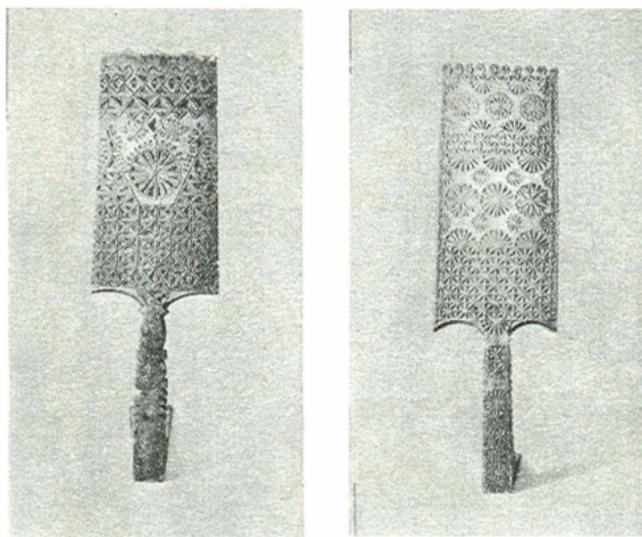
В доме Григория Антоновича Каликина резное радужно-красочное крыльцо ведет в избу, пиршественно праздничную от пестрой живописи. На фоне заборов и пола, выкрашенных сочной охрой, польхают алые стулья и полочка-божница, им вторят красные завесы с крупными цветочными рисунками. Густо розовым отливают и подушка на полатях и тканые половички, положенные в четыре ряда. А старые иконы местного письма мерцают, как тлеющие угли. Сосновая лесенка, вырубленная из половинки бревна, ведет на печь. В качестве вешалки укреплены лосиные

Трепало

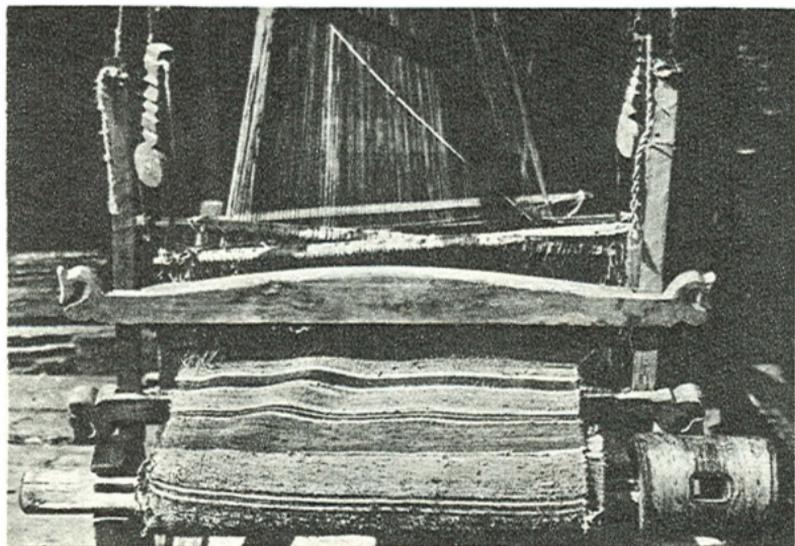
и козьи рога. В летней избе того же дома красный сундук соседствует с дивными половиками из фиолетовых, голубых и черных лоскутков.

В доме Таисии Яковлевны Горлицевой собран целый музей старинной утвари. Тут есть и скамья со спинкой в резных кренделях и опушках, и скамья из кривулины о пяти ножках, и еще одна красная скамья с двумя коньками по бокам и спинкой на клиньях. Один из стульев — дощатый, некрашенный, квадратный с ушками наверху и коваными гвоздями, другой — с петлеобразными подлокотниками. Рядом с ними — расписные сундучки, вероятно, великоустюжской работы, обычные для Кокшенинского края. Из темных чуланов появляются на свет красивейшие прорезные «швейки» (башенки) и «бобышки» — блочки от ткацкого стана, похожие на сказочные точеные игрушки, окрашенные посекционно в алый, белый и зеленый цвета. В том же красно-зеленом колорите выдержан изящный ушатик для хранения пряжи. Трепала, эти деревянные

Резные прялки

ножи-лопаточки для трепания льна, представлены здесь целым набором образцов: одно из них с резной головкой коня, окаймленной полосками зубцов, другое украшено расписными брусничками и травками с обозначением инициалов владелицы. Массивный валеk украшен очень просто; на лицевой поверхности коловоротом насверлены лунки различного размера. Но так угадан ритм и масштаб этого узора, что вещь выглядит торжественно нарядной. А когда хозяйка выносит охапку прялок, буйство красок достигает своего апогея. Здесь есть прялки солнышком с крупной лопаткой и прялки свободной композиции с волнистым желто-зеленым узором, отороченным рядами белых точек-жемчужин. Среди них экземпляр с пышным желто-фиолетовым картушем. Особенно хороша прялка с целой гирляндой малых резных кругов, окружающих центральную розетку. Сверху, как обычно, сидят две геральдических птицы. Вся эта резьба переливается оттенками малиново-розового и золотисто-охристого цветов.

Кросны

Хозяйка и ее соседки надевают старинные праздничные костюмы и садятся на крыльцо в позе пряхи. Тогда обнаруживается удивительная согласованность одежд и «пресниц» по ритму, масштабу и колориту.

В каждом доме нас ожидает новое решение, невиданный прежде прием компоновки, неслыханное по смелости сочетание красок и материалов. В одном случае печь украшена двумя свободно стоящими декоративными колонками и сходные формы использованы во внешнем оформлении дома. В другом интерьере поражает отличная система связанных в кольцо полок, образующих единую раму всего помещения с оригинально включенными в эту обвязку дверь, порогом и окнами. В третьем — привлекает внимание кованый железный стержень с завитками, который грациозно и просто несет пузатое тулово рукомойника. В доме И. В. Кузнецова мы знакомимся с мебелью, исполненной руками хозяина, известного столяра, мастера кроватей, занимавшегося также плетением берестяных туесов.

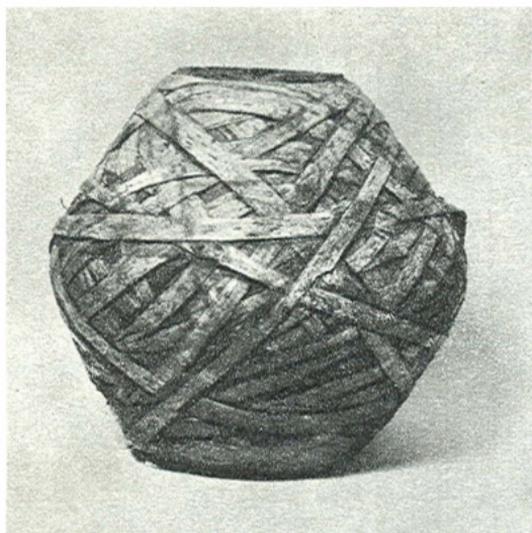
*Скамья. Деревня Конечная
(Гавриловская)*

В некоторых домах основным декоративным элементом служат крупные часы-ходики, укрепленные на специальном щитке под матицей и украшенные сверху резной фигурой, а иногда и покупной целлулоидной куклой.

В одном из домов, где жили старообрядцы, еще сохранились почерневшие иконы, некоторые, по-видимому, древние, старинные лубки; гравированные и раскрашенные киноварью от руки «Распятие», «Троица», «Огненное восхождение Ильи», печатные лубочные картинки «О сладостлюбии», «О непокровенных сосудах», «Слово св. Андрея».

На некоторых картинках заметна марка старообрядческой типографии Г. К. Горбунова в Москве. Интересно, что тут же, рядом с духовными картинками — старинные торговые рекламы, сусальные светские олеографии, а также плакаты и портреты разных периодов советского времени.

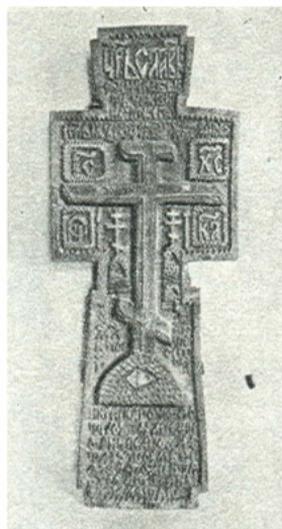
К Анне Николаевне Шатковой мы заходим специально, чтобы посмотреть, как она работает на кроснах. Ее ткацкий

Корчага,
оплетенная берестой

стан — скульптурное произведение с тонко вырезанными головками коней. И с этих резных дощечек стекает красочная волна, переливающаяся глубокими, изнутри рдеющими красочными всплесками.

В отличие от сдержанных по цвету половиков прялки сверкают открытыми звонкими цветами. Здесь сохранилось немало золотистых прялок с крутыми узорами «яблочком» и листиками, работы 20-х годов нашего века, исполненных мастером Павлом Антоновичем. Впрочем, в большинстве случаев авторство стерлось из памяти населения и восстанавливается только по инициалам или подписи. В одном из домов на Лохте поперек входной двери написан маслом большой оранжево-зеленый лев, похожий на толстого кота. Еще интереснее двери из Верховья. Тут целая группа фигур: надписи, воины, машущие руками, какие-то лохматые персонажи. По краю идет надпись, свидетельствующая о том, что живопись была выполнена Константином Погожевым в 1886 году.

*Резной крест с Кокшеньги.
Тотемский краеведческий
музей*

В СТОРОНУ СПАСА. КОСТЫЛЕВО И ВЕЛЬСК. Тюреберь дарит нас все новыми открытиями. В деревне Выборская обнаруживается перестроенная деревянная церковь, а на некотором расстоянии от нее остатки бывшего старообрядческого кладбища. Нам приносят древнюю псалтырь, размокшую от воды. Местные ребята выловили ее в Кокшеньге. По традиционным представлениям, священные иконы и книги, если они лишние, должны быть отданы волнам, а те их куда-нибудь вынесут. Разбирая слипшиеся страницы, обнаруживаем хорошо сохранившимися цветные миниатюры. Время издания книги — первая половина XVII века.

В Хабаровской нас посылают к старику токарю, который демонстрирует нам искусное владение лучковым самодельным токарным станком. В другом доме интересны глиняные пузатые крынки. В нескольких домах попались самодельные детские игрушки: преобладают крупные по размеру тележки, тачки, а также кривулины из естественных сучьев и петушки, согнутые из кусочков бересты. В

деревне Якурино, на рубеже Тюробери, следует осмотреть несколько старинных домов. Некоторые из них отличаются красиво скомпонованными крыльцами на срубках и на столбах.

Но вот впереди открывается широкая панорама раскинувшихся по холмам деревень. Это Верхний Спас, где также сохранилось немало памятников старины. Мы попадаем на большой тракт. Отсюда целесообразно продолжить путь на попутной грузовой машине, через бывший Минский погост и так называемые Ростовские волости, на железнодорожную станцию Костылево, находящуюся между Котласом и Вельском.

Мягкая грунтовая дорога в сезон дождей становится труднопроходимой, но в сухую пору проехать по ней — большое удовольствие. Запоминаются моменты, когда машина с хода, на большой скорости въезжает в реку, форсируя ее вброд. Правда, иногда приходится налаживать здесь паромную переправу. Прекрасное зрелище открывается при подъеме на один из Ростовских холмов, откуда просматривается далекая перспектива разноцветных полей, видимых на 10—15 км вокруг, с десятками старинных селений, с табунами пасущихся коней и дымками костров над перелесками.

От Костылева можно сесть на скорый поезд до Москвы, Ленинграда или Вологды, но, если позволяет время, стоит заехать в старинный городок Вельск, расположенный в двух десятках километрах. За 800 лет своей жизни городу этому не посчастливилось накопить ни одного архитектурного памятника, но здесь ютится крошечный музей, обладающий несколькими деревянными предметами, собранными некогда в бывшем Вельском уезде В. Ф. Кулаковым и частично опубликованными в альбоме А. А. Бобринского.

Среди этих изделий, бытовавших в начале XX века в нижнекокшенинских деревнях, особенно примечательны образцы наиболее древних типов швеек, ковшей, солонищуток. В музее есть редкие образцы крестьянской набойки и набивных досок. Но, пожалуй, самую ценную часть коллекции составляют предметы народной мебели: стул и кресло из развилков, подстолья, коробья, резные полки.

Можно избрать иной маршрут для возвращения из Тарноги, с выходом к городу Тотьме, стоящей на реке Сухоне и связанной с Вологодой регулярным паромным сообщением. При этом варианте туристу предстоит преодолеть пятидесятикилометровый отрезок пути, лежащий между Верховьем на Уфтюге и Тотьмой. Постоянного транспорта здесь до последнего времени не было. Зато конечный

результат обильно вознаградит путника знакомством с привлекательнейшим городом Севера, вологодским курортом, богатым памятниками архитектуры, обладающим первоклассным краеведчески-художественным музеем, где особенно хорошо представлены опять-таки вещи с Кокшеньги. Музей славится собранием церковной мебели, вывезенной из бывших кокшеньгских храмов. Оттуда поступили в музей уникальные аналои, клиросы, святцы, подсвечники, иные скульптурно оформленные, другие богато расписанные травным узором XVII века. Есть тут и подсвечник из часовни Агапита и резной крест, связанный с его именем, и отличная коллекция деревянной скульптуры, возможно, местной выработки. Несколько стендов отведено для образцов крестьянского костюма бывшего Тотемского уезда (включавшего и территорию Кокшеньгского края). Следует добавить, что Тотьма связана самолетными рейсами с Вологдой. Летает сюда самолет и из Тарноги.

4. Встречи с народным искусством

Главное место среди всех видов художественного творчества издавна занимало и занимает до сих пор деревянное зодчество. О высоком расцвете плотницкого искусства свидетельствуют древние акты и описания, относящиеся к XVI—XVII векам. В то время Поважье наряду с другими районами Севера (Пинега, Сев. Двина) считалось родиной лучших на Севере мастеров топорного дела. Отсюда вызывались артели в Москву на строительство государевых хором. Важане принимали участие в постройке Коломенского дворца. Расцвету высокого ремесла «царских плотников» способствовали и природные условия: Важская область всегда была богата отличными сосновыми лесами. Эталонам плотницкого мастерства служили деревянные безвоздевые храмы, в прошлом изобильно и горделиво отмечавшие этапы водных путей. летописи сохранили сведения о соборе в Шенкурске, славившемся своей высотой. У верховья реки Уфтьюги была построена Богородицкая церковь, которая была одной из красивейших шатровых построек. По многочисленным фотографиям и обмерам нетрудно воссоздать мысленно облик этого известного сооружения. Храм по преданию был когда-то приподнят над землей и покоился на столбах-сваях. Под ним проезжали на лошадях. Планировка сохраняла древнюю форму греческого креста или, на старом русском языке, о «двадцати углах» (центральный четверик с прирубленными к нему со всех сторон кубиками-приделами). По контрасту с горизонтальными и кубическими объемами храма особенно легкими и стремительными выглядели заостренные шатры,

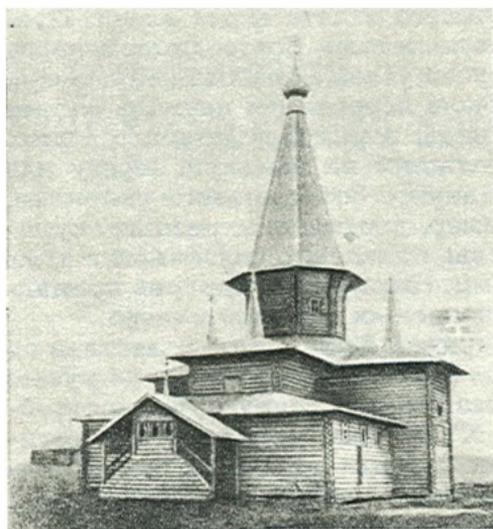
создававшие эффект дружного взлета форм вверх. Прекрасными по рисунку были детали Богородицкой церкви — очертания лемеха, рубка углов, обработка интерьера.

Одной из древнейших была деревянная церковь во имя святых Николы и Параскевы в районе Верхнего Спаса. Этот храм XVII века, стоявший на высоком берегу над речной долиной, сохранял внутри более древние реликвии. В нем помещались, например, деревянные резные скульптуры Николы и Параскевы, отдаленно связанные с языческими идолами-домовыми. Никольская церковь принадлежала к числу могучих шатровых гигантов Севера.

Напротив, церковь на Верхней Кокшеньге, известная по публикациям и зарисовкам (например, в Тотемском музее) представляла собой так называемую «ярусную» постройку, типичную для храмов XVIII века. Полагают, что принципы ярусной композиции пришли на Север из украинского зодчества, что, возможно, было связано с деятельностью на Севере епископов украинского происхождения.

У А. Бобринского опубликованы прекрасные фрагменты не дошедших до нашего времени церковных построек. Поражает особая монументальность и пластичность в обработке дерева. Например, отличные по рисунку порталы, украшенные простым орнаментом, сходным с крестьянской бытовой резьбой. В заостренных килевидных подвышениях заметны отголоски каменного зодчества XV—XVI веков. Удивительно совершенство, с которым достигнуто объединение этих пришлых форм с чисто плотницкими приемами плоскогранной тески и контурных порезок.

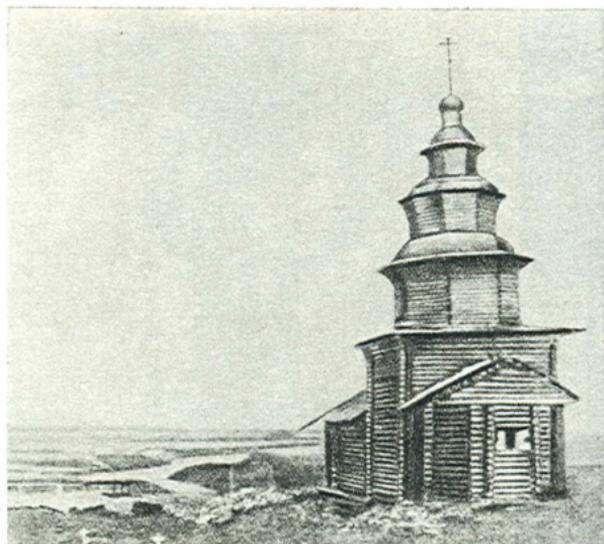
Церковный интерьер в планово-пространственном и декоративном отношении тесно связан с крестьянским жилищем. Те же квадратно-горизонтальные пропорции, система венцов, создающая основу ритма. Настойчивое, до навязчивости, подчеркивание протяженности, в результате чего движение масс оказывается зрительно беспредельным, убегаящим вдаль, за пределы пространственного объема. Пласты массы слабо расчленены, лишены намека на ордер, почти не имеют проемов. Царит давящая скованность, но она преодолевается иной темой: живой и теплой округлости бревен, их мускулистой органичности. В результате впечатление глухого мешка исчезает, возникает мотив роста пространства вверх, упругих, поднимающих усилий. Просторная трапезная, предвещающая собой собственно храмовое помещение, была местом ожидания, отдыха, иногда ночлега богомольцев. В некоторых случаях здесь устраивались братчинные пиры и игры.

*Село Верховье.
Богородицкая церковь
(XVII в.?)*

После трапезной церковь казалась маленькой и темной. Низко нависал дощатый подшитый потолок — «небо», расчлененный по радиусам. Этой центричности противоречила односторонняя доминанта в виде восточной алтарной стенки с яркими тяглами, иконами, расписными «тощими» свечами. В полутьме рельефно выступали резанные на проем и на силуэт детали церковной мебели: клиросов, киотов, аналоев, подсвечников, скамей.

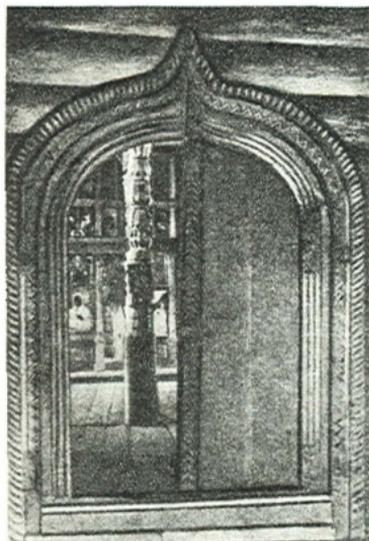
Прекрасные образцы мебели из бывших кокшенигских церквей хранятся в Тотемском музее и опубликованы у Бобринского и в других изданиях. Один из лучших памятников — массивный, рубленый из сосны стол-аналой с двумя крестовинами: нижней — опорной и верхней — с резными руками для удержания свеч и сильно изогнутыми коньками-кронштейнами. Церковные подсвечники мало чем отличались от крестьянских. Преобладают несколько типов: один из них словно воспроизводит в миниатюре деревянную башенку-звонницу; другой на-

*Село Верхняя Кокшеньга.
Афанасьевская церковь
1798 г.*

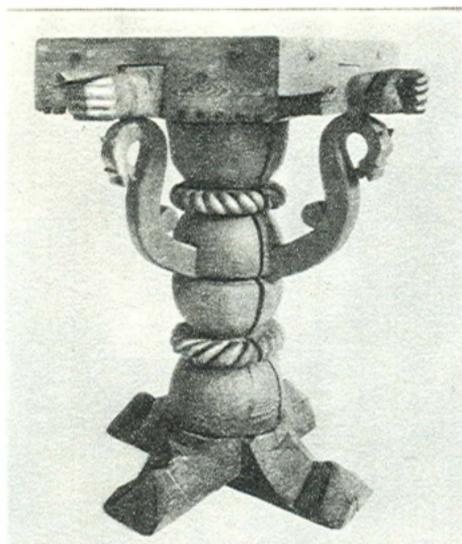
поминает по очертаниям шатровобочечную церковку, сильно вытянутую по вертикали. Третий, менее самобытный и архитектурный, представляет комбинацию точеных «яблоков» и «дынек», как будто нанизанных на единый стержень. Наиболее скульптурны и народны по формам подсвечники — «воротца», с коньковой перекладиной сверху, укреплявшиеся в точности так, как кованые светцы. Резные церковные столы были почти аналогичны тем, которые употреблялись в быту.

ПУТЬ В ГЛУБЬ ДОМА. Предложенные выше маршруты едва ли будут точно такими, как здесь описано. С каждым днем бытовая обстановка крестьян изменяется, исчезают ветхие вещи, что-то ломается. Нужную вчера вещь сегодня выбрасывают на улицу за ненадобностью. Трансформируются представления о красивом и важном. Можно просто не застать дома хозяев указанного дома, но зато побывать в соседней постройке, где случайно оказались

*Село Шебеньга.
Троицкая церковь. 1769 г.
Портал двери из парапета
в нижнюю церковь*

люди, вернувшиеся с сенокоса. Картина живого народного искусства не искажена от такой замены. Ведь варьируются одни и те же устойчивые типы, а методы творчества у разных мастеров оказываются очень близкими, так как определяются некоторыми общими принципами. Итак, предлагаем еще один, может быть, самый увлекательный маршрут: вглубь, к корням народного творчества. Для этого нет надобности много ходить и ездить. Можно проделать его в пределах одной деревни, даже одного-единственного дома, в дождливые дни, когда отрезаны все внешние дороги. Это путь на чердаки и в пыльные углы чуланов, где уцелели еще остатки старинного домашнего творчества. Но главным памятником этого художественно-конструктивного творчества является несомненно само крестьянское жилище, срубленное из сосновых бревен таким образом, что время не расшатывает, а уплотняет постройку, где каждая часть, как в разъемной головоломке, удерживает соседнюю и держится ею. В такой

*Стол аналой
из Тарногского района.
Тотемский краеведческий
музей*

постройке дерево сохраняет свою самородность — оно круглится и изгибается, пружинит и выпускает сучья-отростки, вытягивает «курьи ножки» корневищ. Оно щурится живой сетью морщин и нависает тяжелыми комлями, подрубленными в виде уступов, где гнездится тень. Черноту замшелого сруба подчеркивают ярко-белые рамки окон, а гладко тесанные доски кровли лоснятся на свету, отражая небо. Все детали и выступы подчинены общей большой форме, необычайно простой и логичной и вместе с тем скульптурно выразительной. Такова, в самых общих чертах, старинная изба «самцовой» конструкции, подробно рассмотренная во многих трудах по русскому деревянному зодчеству ²⁶.

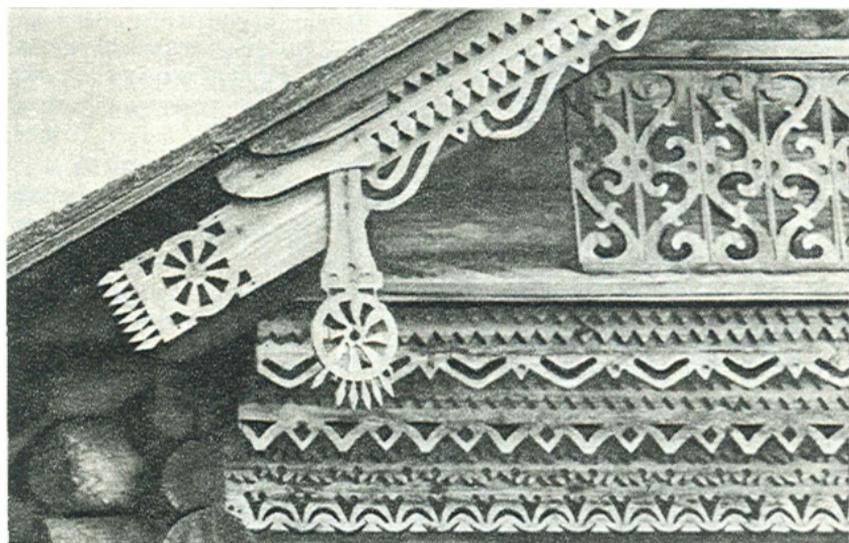
Совершим маршрут по этому крестьянскому дому. Если внимательно всматриваться в увиденное, такой «путь» от калитки до последнего закоулка в избе тоже представляет собой открытие для туриста, особенно для такого, который знакомится с Севером в первый раз.

Жилой дом. Деревня Горки

Масса дома внешне выглядит непроницаемой, лишенной пространственных входов и выходов. Строение интерьера снаружи не выявлено. Дверь кажется слепой нишей. Особенно заметно это на примере амбаров. Равным образом и маленькие окна старого типа, не обрамленные рельефными наличниками, но, напротив, словно утопленные, вдавленные в стену, не пробуждают эффекта «зрячести» дома. Тем более остро воспринимаются всякого рода вынесенные вовне элементы, например, павильонные крыльца с галерками, балконы-выходцы и т. д. Их можно уподобить гибким ветвям, которые выбрасывает старый, полузасохший пенёк. Особенно сильно и художественно контрастно сопоставлены глухой объем клетки и прозрачно-воздушный, возносящийся вверх, рассеченный слоями воздуха пространственный объем крыльца.

При рассмотрении дома вблизи выявляется еще один важный контраст, помогающий раскрыть секрет эстетической выразительности крестьянского жилища. Это — кон-

*Фрагмент жилого дома.
Деревня Хабаровская*

траст фактуры. Суровый лаконизм бревенчатой архитектуры оттеняется прихотливой и тонкой отделкой некоторых деталей, особенно лицевых кромок крыши. Кружевной рисунок резных и расписных причелин кажется особенно нарядным по соседству с ровной частью теса и глухим фронтоном.

С большой силой проявляется архитектурное противоречие двух принципов существования и восприятия формы. С одной стороны, как суммы слагаемых плоскостей и граней, то есть нечто апеллирующее к аналитической способности зрителя, и, с другой — как подобие скульптурно вырубленного монолита, в котором каждая линия — только перелом единой поверхности, а она в свою очередь — только видимая граница движения массы изнутри. Обе стороны объединены на основе подчинения третьему, наиболее общему принципу, а именно — равномерному, словно ступенчатому нарастанию массы по высоте. Это столкновение и разрешение противоречивых сторон вно-

*Охлупень.
Резан в начале XX в.
Деревня Веригино*

сит в образную структуру напряжение и содержательность архитектурной темы.

Кокшары любили строиться основательно, прочно, с запасом. Дом благоустраивался и заселялся постепенно. Вначале под огромной кровлей, наряду с хлевами и сараями, помещаются, как обычно, две избы: летняя и зимняя. Летнюю, неотапливаемую, иначе называют «клеть», то есть просто сруб. Множество других клеток внутри дома первоначально пустует и дожидается своей очереди. Подрастающее поколение заселяет их, приспособляя под жилье. Так, по мере роста семьи, разрастался и внутренний организм дома.

В составе старых домов, по традиции высоко поднятых на подклате, насчитывается иногда до двенадцати отдельных ячеек-изб, не считая бесчисленных сеней, мостов, чуланов, кладовых и поветей.

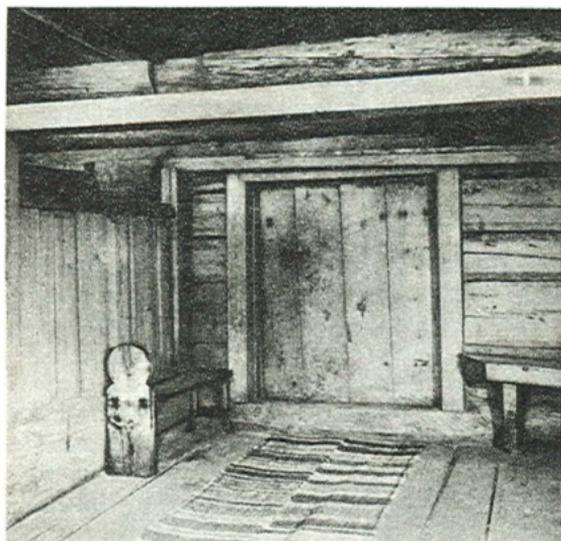
К особенностям народного зодчества Кокшеньгского края надо отнести некоторые элементы пластического

декора, например, деревянные столбики — «стамики», в виде схематической фигуры «солдатика». Иногда поверх таких стержней укреплялись резные фигуры птиц («лебедей», «кутошек»), словно идущих гуськом одна за другой²⁷.

Дом начинается с подступов к участку. И здесь, в обработке окружающей среды, присутствие эстетического вкуса столь же несомненно, как и его непреднамеренность. Украшения отсутствуют, но пространство выглядит организованным. Это достигается компоновкой масс, слаженностью горизонталей и вертикалей. Длинные деревянные мостки связываются с тесинами кровли, желобами — «потоками». Плоские камни, положенные перед крыльцом, согласуются с розоватыми и зелеными валунами в основании сруба. В противовес протяженным направлениям главных линий активную роль играют вертикали: столбы изгороди, шесты со скворечниками, качули, тычины маленького хмельника. На участке обычно оставляют одно-два дерева, остальные вырубает, чтобы не было много тени. Крыльцо, на котором так удобно работать и отдыхать летом, является важным композиционным звеном дома. Здесь сильно выражена идея восхождения — в ступенях, балясинах, в покатой кровле и столбах. Хорошо организован постепенный переход из зоны природной среды в замкнутый мир интерьера.

Интерьер начинается с обширных сеней, являющихся центром дома. Здесь соединяются внутренние ходы и переходы, сюда ведут лестницы и двери, отсюда начинается путь в разные части дома: в избу, в клеть, в горницу, на поветь. Если мы выберем путь на чердак, перед нами распахнется огромное по высоте и по площади пространство под кровлей, частично перегородженное, но все-таки слитое воедино, гулкое и полутемное. Здесь, «на вышке», хранится старая мебель и утварь, стоят сундучки с одеждой. Одежда также висит в чуланах на жердях. Здесь же, подальше от сырости, держат иногда муку и зерно.

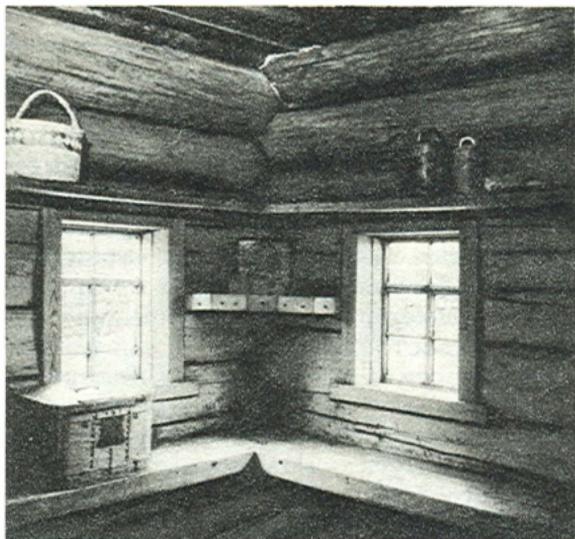
Если мы направимся в клеть, или так называемую «летнюю», «чистую» избу, то за низкой дощатой дверью перед нами может раскрыться просторная комната с полугородской обстановкой, иногда сегодняшней, но чаще конца прошлого — начала нашего века. Сохранилась прочная кустарная мебель в резных кренделях и волютах, с простейшей профилировкой, но с претензией на стильность, на стенах рекламные плакаты: «Пиво Ивана Дурдина в Петербурге» и т. д. Иногда вышитые занавески «ришелье». Собственно крестьянское творчество проявля-

*Интерьер жилой избы.
Деревня Никитино*

ется тут в вольной и смелой интерпретации посредственных образцов.

Наконец, нащупав ручку входной двери (двери в сенях все одинаковые, однопольные, едва различимые в полумраке), мы входим в жилую избу с печью. В старинных кокшенигских избах пространство избы кажется приплюснутым, вытянутым по длине и ширине. Это подчеркнуто всячески: бегут горизонтальные половицы, полосатые половики, стелятся продольные бревна стен. Через всю избу протянулась главная, опорная балка потолка — матица, на нее опирается также бревенчатый накатник. Этот однообразный и властный ритм придает интерьеру нечто нежилое, выражает чувство скованности, создает мощный контраст двух образов: крепкой связанности и безостановочного движения по кольцу. Важно, что это движение не прерывается равномерными паузами. Оно не «ордерно», не систематизировано, то есть не обуздано чередованием видимых опор и пустот. Напротив, убран-

*Красный угол избы.
Деревня Никитино*

ство избы еще усиливает эту стихийную сомкнутость четырех сторон в единый «хороводный» горизонт. Этому способствуют широкие лавки, опоясывающие интерьер, а также кольцо массивных полок — «полавочников» над окнами. Когда-то вертикальное движение было выражено в печном столбе, поддерживавшем кровлю. Уже к XIX веку он укоротился и совсем стусевался под тяжестью опять-таки горизонтальных «сутычных» брусьев — полатного и посудного. Брусья отсекают от пространства верхний пласт, к которому относится помещение на печи, на полатах сквозной пролет над перегородкой-забором, пустой угол над божницей. Раньше этот верхний слой бывал четко обозначен: это была зона дыма и копоти в курных, или «рудных», избах. Здесь дерево никогда не отмывалось и постоянно сохраняло густо-коричневый цвет.

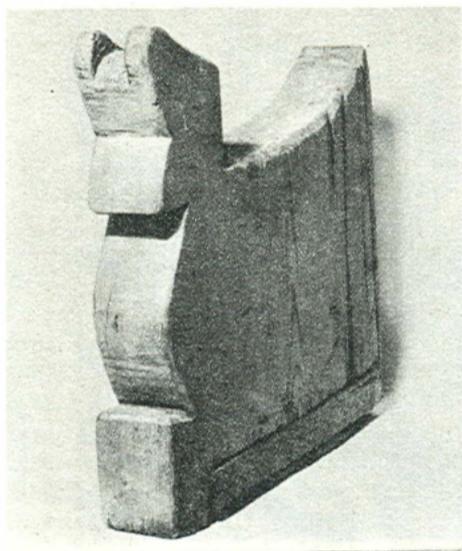
Несмотря на просторность избы, ее пространство не производит впечатления свободного и подвижного. Напротив,

оно придавлено и заковано. Во многом это объясняется наличием огромной печи, занимающей почти четверть всей площади помещения. Она установлена на цоколе — срубике, построена как тяжелый архитектурный объем, отдаленно напоминающий хозяйственные приделы новгородско-псковских церквей. По своим пропорциям этот объем соотнесен с интерьером, а иногда почти уподоблен полному объему избы. Возникает эффект сочетания сходных, но противоположных («негативной» и «позитивной» по характеру) форм. Абстрактная белизна печи усиливает ее скульптурную трехмерность и отключенность от деревянных стен. Она противостоит интерьеру, как здание пейзажу, и вместе с тем пластически «держит» интерьер, являясь его центром.

На Кокшеньге любят лепить печи фигурно, оттеняя изгибы и повороты формы, выпуская на «челе» уши-волоты, устраивая в боках киотообразные выемки и выступающие полочки. Опечку придают форму мощного кронштейна. Фигурно оформляют «кошачий» лаз в подпечье. К печи все тяготеет и притягивается: завесы, заборы, нередко рукомойник с медным тазом. В глухом филенчатом заборе устраивают иногда проем, чтобы бок печи выходил в главную зону избы, и он выглядывает из деревянного обрамления теплой уютной нишей.

Архитектурная тема тяжелого, нагруженного кронштейна выражена в основании русской печи с предельной силой. Ту же тему подхватывают боковые кронштейны, особенно придверные и прочие коники. Коник — это одновременно и конец, замыкающий край формы, и конек, то есть фигурно вырезанный профиль вроде конской головы. Особенно скульптурны по форме коники, ограждающие конец лавки у входной двери. Лаконичный их силуэт обогащен трехмерно развитыми объемами: призмами, кубцами, волотами, седловинами, маковками и т. д. И тем самым превращен в оригинальное фигурно-пластическое произведение. Коники, как и все внутреннее встроенное оборудование, выполнялись плотниками, рубившими дом. Характерно, что коники всегда вытесывались или выпиливались из целой доски, точнее — пластины, толщиной до 15 см. Двумя конскими головками обрамлялись полки божниц, подстоля, концы зыбок, «взголовашки», ставившиеся в изголовье полатей.

Многие детали внутреннего убранства оформлены крупной, сочно выполненной резьбой в виде «городков», валиков, волнистых подзоров и зубчатых опушек. Края при этом словно оторочены пластичной каймой. Примером

*Деревянный
конек-камеечный*

могут служить опущенные лавки и полки, образцы из деревни Костериха и из Вельского музея. Те же примеры обработки встречаются в резьбе столов, стульев, скамеек.

Мотив чередующихся плавных волн и округлых всплесков сохранился от XVII—XVIII веков. В то время он широко применялся в убранстве церковных зданий и отсюда, вероятно, проникал также и в жилые хоромы.

Чтобы по-настоящему оценить совершенство северорусского бревенчатого дома, надо побывать в нем, во-первых, в тридцатиградусный мороз и убедиться, как он хорошо держит тепло; во-вторых, в сезон затяжных дождей, и тогда обнаруживается, как он поразительно сух; и в-третьих, в томящий июльский зной, когда сруб дарит блаженную прохладу и совсем лишен духоты. Прекрасная естественная вентиляция, полное отсутствие сквозняков, просторность, ясность архитектурного облика, красота янтарного струистого дерева — вот чем привлекательно и ценно старое крестьянское жилище.

*Заготовка «куриц».
Деревня Веригино*

МЕБЕЛЬ В ДОМЕ. Мебель и то, что можно назвать «встроенным оборудованием», развивает и продолжает архитектуру дома. Наиболее древние образцы XVI—XVIII веков связаны с церковным интерьером, но позднее подобные же формы широко проникли в крестьянский быт и укоренились в нем. Некоторые образцы, заснятые на Кокшенье И. М. Починовским в 1911 году и опубликованные год спустя в альбоме А. А. Бобринского «Русские народные деревянные изделия», до сих пор являются типичными для крестьянского интерьера и повторяются во множестве вариантов.

К числу наиболее самобытных местных форм надо отнести приголовки в виде стилизованной пары или квадриги коней, словно охраняющих голову спящего. Таков, например, экземпляр, найденный в Дмитровской волости Вельского района В. Кулаковым. Коньковые элементы входят в состав кокшеньгских божниц, а также деревянных светцов.

*Кресло из корневушек.
Вологодский областной
краеведческий музей*

До сих пор во многих домах стоят в точности такие подстоля, какие были засняты пятьдесят лет назад в деревнях Кузьминская, Катерининская, Гусиха, Маркушевская.

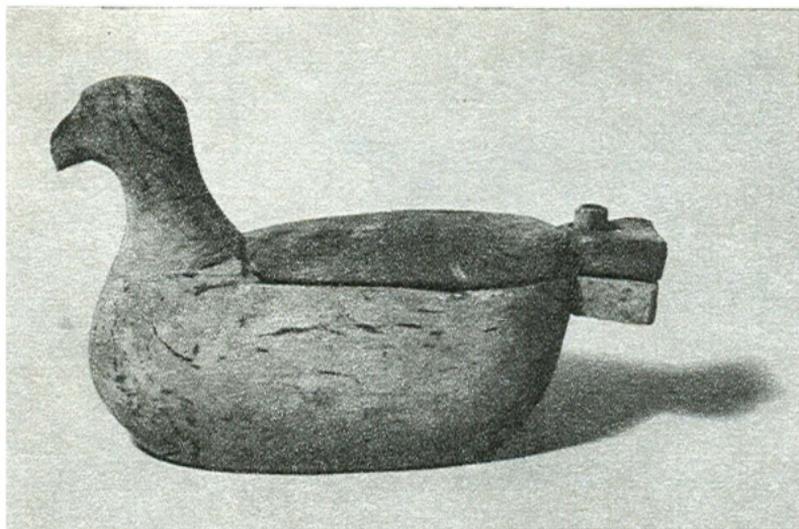
Не менее типичны для Кокшеньги образцы, сфотографированные в домах Василия Ульяновского из деревни Погоняевская, Александра Жданова из деревни Кузнецово, Силинского в Новгородской.

Особый интерес представляют старые фотографии интерьеров, по которым можно удостовериться в необычной стойкости местных решений. На снимке, где показаны сени в доме Ивана Сумарокова из деревни Квашнино, отчетливо видна скамеечка с округлым торцовым коником — еще одна местная форма мебели. На другой таблице представлены опущенные лавки в доме Василия Ульяновского из деревни Погоняевская и образцы расписанных филенчатых шкафчиков.

КРИВУЛИНЫ. Для изготовления мебели и других предметов из дерева широко применялись естественно искривленные корневища, развилки, мутовчатые звездообразные отрезки. Такого рода изделия обладают не только повышенной прочностью, но и большой пластической выразительностью. Из массивного капового нароста, вырубленного вместе со стержневой частью березового ствола, изготавливались причудливые безмены, похожие на идольское изображение. Из кривулин вытесывались вешалки и крюки, которым придавалась динамичная форма лебединой шеи (один из лучших примеров — экземпляр из Вельского музея). Крайне разнообразны «самородные» детали хозяйственных и жилых построек: охлупни, куричины, устои ворот и калиток, козлы, скамейки для доения коров, перила, опорные столбы в форме «курью ножки». Еловые жерди с прямоугольным отростком корня используют при изготовлении телег двуколок. Нередко можно встретить сложно изогнутые, словно вылепленные по руке, рукояти из тщательно подобранных кривулин. В недавнем прошлом широко применялись бороны-суковатки, двойные и тройные вилы, фигурные ручки кос и другие орудия труда из природных лесных конструкций. Из дугообразных отрезков изготавливались удобные стулья и кресла, например, красивый по пропорциям экземпляр, найденный студентами МВХПУ на Уфтыге. Еще более интересны кресло и стул, хранящиеся в Вельском музее. Опорной частью служит комлевая часть ствола с звездообразно расходящимися лучами обрубленных корней. Ветви, искривленные соответственно форме, служат в виде упругих ограждений.

В полутьме пыльных чердаков нередко можно обнаружить огромные паукообразные очертания, похожие на фантастические марсианские существа. Это подставка под так называемые «воробы», служащие для перемотки пряжи. Из прочных корневищ ели вырубались швейки и прялки-корневухи. Такие же угловатые, бумерангоподобные колоды, только в несколько раз большие по размеру, шли на изготовление станины для кросен. Остается добавить мелкую хозяйственную утварь — всякие мутовки, лопатки, а также детские самодельные игрушки в виде причудливого куса дерева, который не отесывается, но сам по себе способен пробудить в воображении яркий живой образ.

ДЕРЕВЯННАЯ ПОСУДА. Объемная — или «облая», то есть массивная, топорная — резьба часто сочетается с

«Уточка» — деревянная
солоница.
Деревня Ермолинская

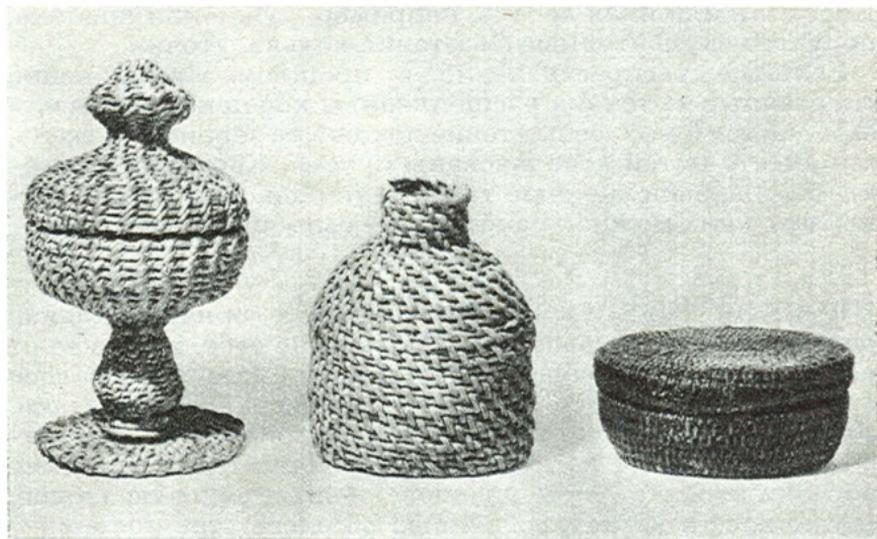
выдалбливанием и высверливанием. Так изготовлялась различная деревянная посуда, которая во множестве сохранилась в деревнях Кокшенинского края. Наиболее архаичны по форме огромные, метровой высоты ступы, аналогичные тем, которые были найдены при раскопках древнего Новгорода. В той же технике изготовлялись долбленные корыта—«ночвы», «сельницы» и другие кухонные сосуды. Более тщательно и из более ценных пород дерева вырабатывалась столовая посуда. Кое-где можно еще встретить старинные ковши-скопкари и енды, иногда сохранившие следы темперной росписи. В Государственном историческом музее в Москве хранится очень крупный ковш-скопкар с Кокшениги, сохранивший следы надписи черной краской по борту: «лета 1612-го сделан ковш Ивана Панкра...», и белой краской: «... ковш Григорьев сына Романа». Это наиболее древний из датированных ковшей Севера. Для питья изготовлялись небольшие ковшички с фигурной ручкой, с тонкими, как скорлупка, стенками.

*Кружка для кваса.
Дережня Новгородовская*

Возможно, что дорогая посуда поступала на Кокшеньгу из Тотьмы и из Великоустюжского района. Вместе с тем сюда не проникали вещи с северодвинской росписью, что говорит о существовании строго разграниченных зон распространения местных изделий.

Особенно хороши скульптурно-резные фигурные солоницы Кокшеньги. Они крайне разнообразны по форме, но все так или иначе воспроизводят облик водоплавающей птицы. Правда, изображение всегда строго стилизовано, архитектурно-орнаментально и никогда не переходит той границы, за которой начинается плоский натурализм и вещь утрачивает свою предметную, функционально оправданную красоту. Напротив, в форме солоницы чаще всего подчеркивается и выявляется конструктивное начало, что несколько не снимает фантастической живости, юмора и образного богатства, вложенного народным резчиком. Некоторые солоницы похожи на сказочного лебеда, иные на утицу, порой двуглаву. В Вельском музее хранится

«Корневушки»

экземпляр, которому придан облик птицы-коня, плывущего подобно горделивому кораблю.

В деревнях попадаются еще классические по форме образцы солониц, изготовленные, по-видимому, не позднее середины XIX века, седые от пропитавшей их насквозь соли, но не имеющие ни одной трещины! Поражает гармоническая согласованность очертаний, тонкое чутье в использовании узора и органичное сочетание экспрессии с композиционной логикой.

Сопоставляя известные кокшеньгские солоницы, можно сделать вывод, что именно здесь был центр сосредоточения наиболее совершенных и развитых по форме солониц-лебедей, первоначально, в XVII—XVIII веках, воспроизводивших в дереве серебряные сосуды.

Многочисленные бондарные изделия — всякого рода кадучки, ушата, шаечки, бочонки — естественно, более жестки и однообразны по форме. Но и здесь художественный вкус проявляется в хорошо найденных пропорциях.

Иногда та или иная деталь, например, ручка или крышка, получает скульптурные очертания конька, уточки.

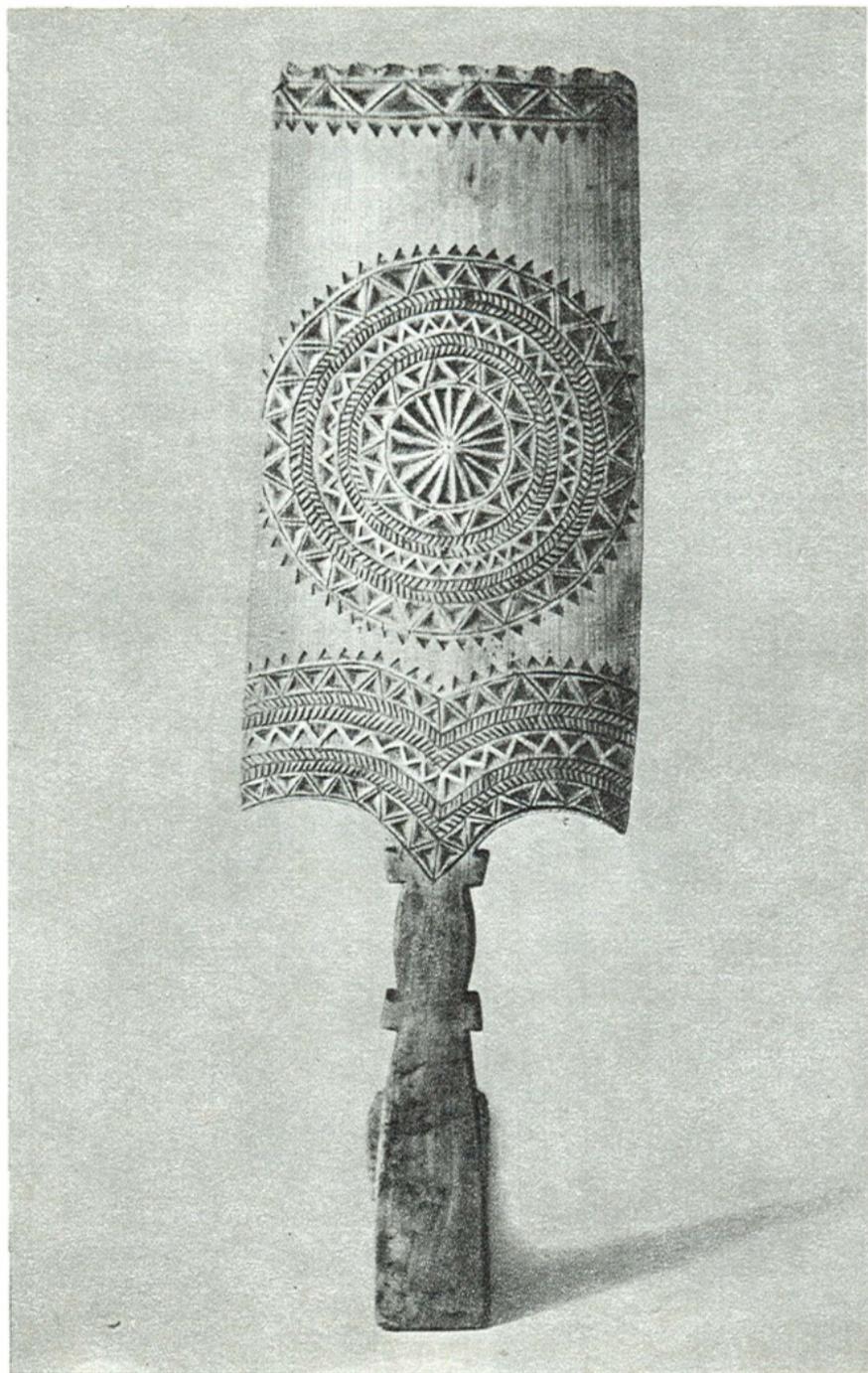
Большое распространение в прошлом имели вещи, сплетенные из тонких расщепленных корешков сосны или ели. Частое и мелкое плетение похоже на зернистую ткань, где вместо нитей использованы прутья. Корзинки, коробки, баулы, выполненные такой техникой, настолько плотны, что в них можно хранить даже сыпучие продукты.

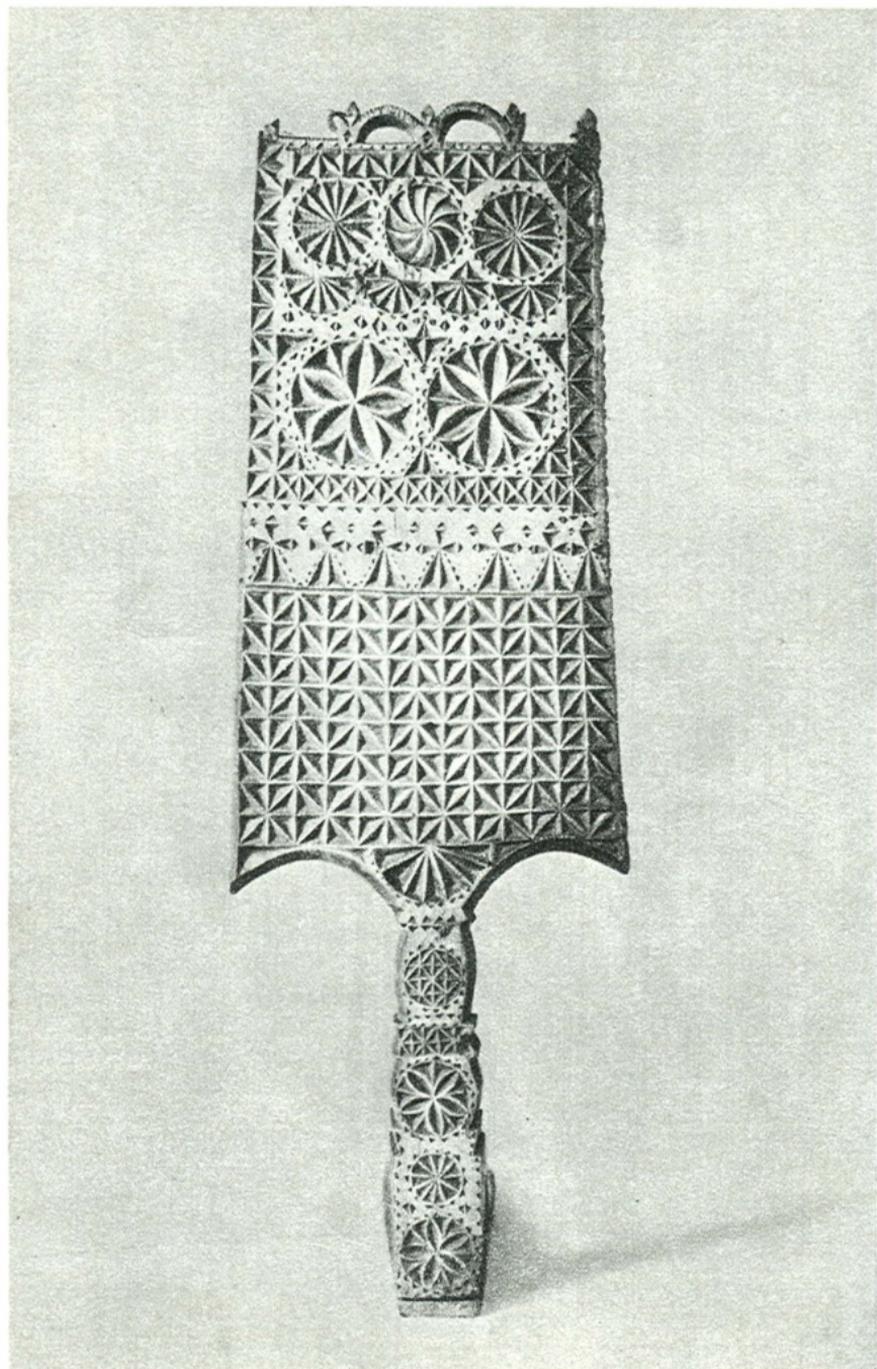
ПЛОСКОСТНЫЕ ПОРЕЗКИ. Плоская орнаментальная резьба никогда не выполнялась сама по себе, в отрыве от вещи. Она оказывалась уместной там, где требовалось оживить и обогатить монотонную поверхность изделия. Лучше всего познакомиться с ней на примере орнаментированных трепал и прялок. Это обычно геометрические порезки в виде стройно уравновешенных рядов из зубцов, «куличков» и кругов, собранных в полосы, треугольники,

Резная прялка

→

квадраты, а иногда свободно рассредоточенных на доске. Глубина выемок различна, и это сообщает им пластичную мягкость. Сухой геометризм уступает живому начертанию линий, отражающему жест работающей руки. В деревнях считалось, что прялки тем красивее, чем шире лопастка. Иногда эта широкая поверхность превращается в целое резное панно. На одной из прялок с Нижней Кокшеньги изображен фантастический лес, кишаций странными зверьми, среди которых угадываются слон, крокодил, кабан. Рядом шагает охотник в картузе. На другом образце из той же местности сошлись в поединке конные воины, словно перекочевавшие с лубочных картинок XVIII века. Возле этих витязей маячат непонятные, словно салютующие фигуры, а выше помещены двуглавые птицы на схематически переданных елках. В других кокшеньгских прялках преобладает геометрический и растительный узор. Обычно нижняя часть лопастки заполняется горизонтальными полосами. Выше располагается главный

мотив в виде стилизованного изображения дерева, стоящей фигуры или круга. Верхний ярус иногда увенчивается ажурным венцом из городков или главбк. Характерной особенностью местных прялок является рельефно выступающий гребень на тыльной стороне опорного стержня.

Особенно архаичны резные прялки Лохты, удержавшие древнюю схему членения лопасти. Средняя часть заполнена символическим изображением Берегини. Для многих деревень края характерны прялки с крупным резным кругом в центре лопасти. Впрочем, там же встречаются и иные разновидности, например, с узором в виде множества кругов или же заполненные квадратными «куличками». Возле Спаса и в Долговицах преобладают гладко крашенные «пресницы».

Швейки, сохранившиеся в быту (и даже еще функционирующие), в большинстве случаев — точеные, в виде баясины с прорезями. Более древний тип, хорошо представ-

Резная прялка

←

ленный в Вельском и Тотемском музеях, — швейки в форме резной ярусной башенки, имеющей в основании солнечное колесо или фигуру всадника, а наверху птичью голову или человеческий лик. Символику их трудно разгадать.

Эти прялки, по-видимому, не что иное, как отголосок древней формы ритуального столпа. Сходство с идолом хорошо видно в одной швейке из Вельска: по сторонам стержня симметрично помещены две рельефные фигуры мужчины и женщины, которые, словно стражи, оберегают предмет. Можно связывать эту композицию с магическими образами домовых в виде хозяина и хозяйки.

Другой тип нижнекокшенинских швеек также связан с древними представлениями. Стержню придана символическая форма плывущей птицы с очень длинной гусиной шеей, которая укреплена впереди прорезной решетчатой стенкой. Птица словно пробирается сквозь косые стебли камыша.

Вышивка на полотенце.
Деревня Ермолинская

ДРЕВНИЕ ОБРАЗЫ. Старинные сказки, песни и особенно заговоры бывших Тотемского, Вельского, Шенкурского уездов полны суеверного страха перед демонами, населяющими все вокруг, а также наивной веры в силу заклинания. Каждая вещь и часть дома нуждалась в охранительном обереге, который получал традиционную форму очистительного символа, обозначавшего добрую силу. Это — солнце в виде круга, квадрата или ромба, животное, дерево, петух и водоплавающая птица, знаки воды и земли, «глазковый» узор, а чаще всего — конь. К числу важнейших защитников, покровителей относятся символические фигуры предков — домовых. Эти образы взаимозамещаются, происходит их постоянное сращивание между собой в самых фантастических комбинациях. Под влиянием новых сюжетов и мотивов иконография древних образов претерпевала сильнейшие изменения. Священная птица слилась со сказочной птицей Сири́н. Праматерь—Берегиня была интерпретирована как разряженная горожанка.

Сохранившиеся памятники позволяют проследить всю шкалу исторической эволюции образов от простейших схем до развернутых повествований, от глубоко религиозных композиций до чисто декоративного узора. В архитектуре и мебели, в соответствии с конструктивной формой, изображение, например, коня таится в глыбе. На мелких изделиях получает вид вереницы крутых завитков. На широкой вельской прялке из музея этнографии два коня выполнены глубоким контуром. На них верхом сидят всадники с пиками. На самодельном коврике из Спаса черный конь расцвечен яркими вспышками цветных лоскутов. Современное тяготение к интенсивному цвету достигает здесь словно предела. Еще показательнее варианты изображения Богини-Хозяйки, одного из древнейших образов, восходящих еще к эпохе палеолита. Где-то, возможно в начале славянского средневековья, этот уже сильно развитый иконографический тип проник в северную Русь в виде женского изображения с воздетыми руками. В такой позе изображались, например, жрецы небесной богини на древнем Крите, причем в руках они несли священных змей. Сюда присоединился позднее христианский образ Оранты. В самой женской фигуре сохранялись черты растительного божества, древнемесопотамской финиковой пальмы. Комплекс понятий: женщина — дерево — благотворный дождь — змея — луна — звезда — Венера — ладья — птица — башня и молящая заступница был подвижным и легко приспособлялся к тому или иному материалу и форме, соответственно проявляя определенные грани сложного образа.

В народных вышивках главным стал мотив «процветающей» фигуры, из которой, как ветви, вырастают симметрично расставленные руки — крылья с двумя павами на них. В объемной резьбе такое решение было нелогичным. Возобладал тип ярусно-расчлененного столба с маковкой головкой наверху. Такую форму придавали столбам колодцев, ворот, печьям, угловатым столбикам кроватей и люлек, швейкам и т. д. Иначе распластывался мотив на поверхности прялки. Здесь, в контурно-выемчатой технике изображение получалось словно составленным из треугольников и кругов, как на образце из Ермолинской или на прялках Лохотского типа. В случае живописного решения движение кисти увлекало мастера, и композиция получалась волнисто-бесконтурной, где в группе из круглых «яблочек» или розанов только угадывалась пирамидальная фигура все той же благодатной Берегини. Еще более своеобразно истолковал эту фигуру мастер, вырезав-

ший набойную доску, хранящуюся в Вельском музее. Видимо, ему в руки попала лубочная картинка XVIII века с изображением пляшущей пары; в руках у дамы веер. Резчик превратил его в неопределенное пятно.

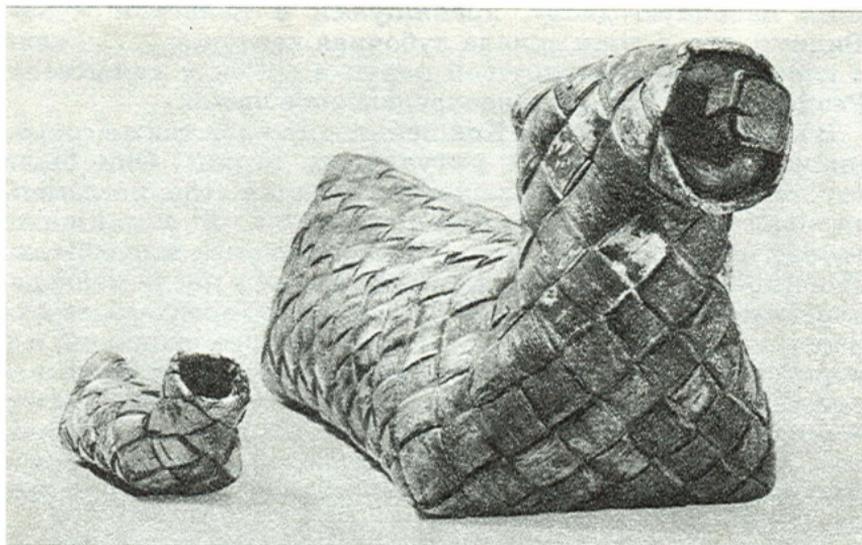
В крестьянских играх Кокшеньгского края также сохранились черты древних ритуальных игрищ. Они были строго приурочены к определенным дням года, регламентировались непреложными правилами. В подвижных затеях имитировались иногда древние шаманские обряды. Любимой потехой были ряженые, одетые в маски медведя, козы, мертвеца и т. д. Даже качели, так характерные для деревень края, где их можно встретить и за околицей, и у ворот дома, и на просторном чердаке, восходят к языческим обрядовым устройствам. Изобразительный фольклор Кокшеньги сохранил, пожалуй, больше древних элементов, чем соседние районы Вологодской области, и тут любознательного краеведа, несомненно, ждут немалые открытия.

*Вышивка на полотенце.
Деревня Ермолинская*

←

В крестьянских домах еще можно найти и собрать предметы, связанные с дорогой и извозом: сани и телеги, сбрую и бубенцы, резные дуги, коновальские бляхи и сумки, сохранившиеся от тех времен, когда гужевой транспорт играл важнейшую роль в жизни края, какую теперь играют автомашины и самолеты. Праздничные сани, как, например, сани Ивана Сумарокова из Квашнино и Виктора Постникова из Сметанино — это подлинные произведения искусства.

Еще более художественны по формам большие пироги, выдолбленные из стволов осины. Такие лодки изготовляют в верховьях Кокшеньги, на Илезе еще и сейчас. Их обтекаемо-подвижная, упруго-волнистая форма отличается скульптурностью, напоминает живое существо, быстро и легко скользящее по воде. Ту же экономную и выразительную пластичность можно наблюдать в очертаниях ткацкого челнока, коромысла и других орудий крестьянского ручного труда.

*Солоница и «уточка»
для крупы, плетенные из
бересты. Деревня Конец*

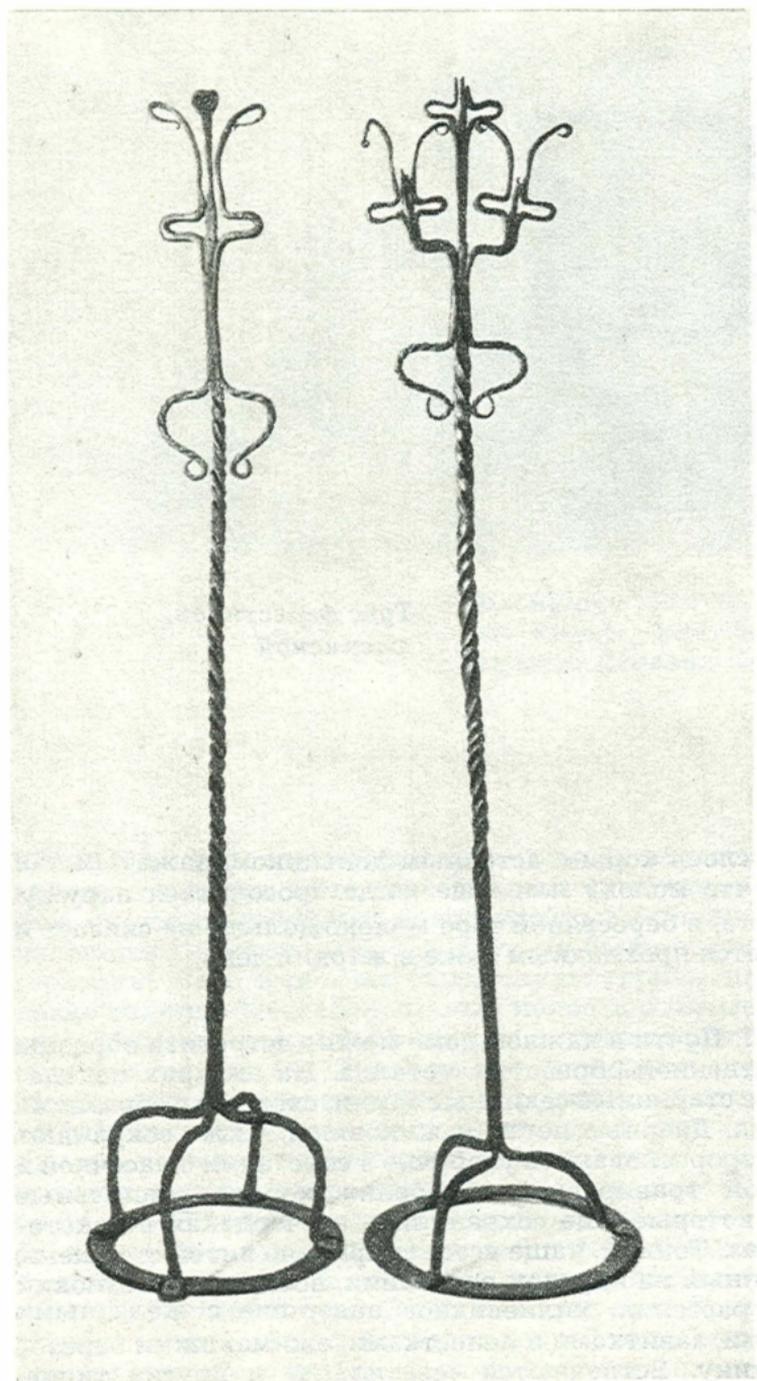
БЕРЕСТА. Берестяные изделия можно встретить буквально в каждом доме. Преобладают простые, некрашенные, сугубо утилитарные вещи: удобные кошельки-пестери, налопатники, сумки и т. д. Лапти не были здесь распространены. Зато в обычае были скульптурные по форме, ловко сплетенные из берестяных полос дорожные солоницы. Особенно хороши изящные солоницы-уточки. Размеры их различны. Преобладают маленькие карманные образцы, но иногда встречаются крупные, вместимостью в добрый десяток фунтов соли. Берестяные корзинки, которые и теперь еще изготавливаются по деревням, обычно ярко раскрашиваются «в шахмат», каждый ряд плетения в особый цвет. В целом получается ослепительная радуга, особенно нарядно выделяющаяся среди лесной зелени. Разумеется, не обходится дело без традиционных северных туесков. Крупный туес для муки из деревни Ермолинской размером превосходит большое ведро. Чаше встречаются сосуды средние и малые, но одинаково тщательно сшитые

*Туес берестяной,
расписной*

из двух слоев коры с вставным доньшком, зажатым так плотно, что молоку или воде негде просочиться наружу. Более того, в берестяной таре молоко дольше не скисает и сохраняется прохладным даже в жаркий день.

МЕТАЛЛ. Почти в каждом доме можно встретить образцы художественной обработки металла. На амбарах попадаются еще старинные секирные замки, сходные с образцами XVII века. Дверные петли и жиковины также сохраняют порой острораскованное узорочье в сочетании с насечкой и кузнечной гравировкой. Особенно хороши напольные светцы, которые еще сохранились на чердаках в некоторых домах. Тонкий, чаще всего спирально витой стержень, укрепленный на круглом основании, возносит, как гибкий стебель растения, килиевидное навершие с железными спиралями, завитками и лепестками, сжимавшими березовую лучину. Встречаются «светильна» и других типов,

Светцы для лучин
металлические.
Деревня Никитино
и деревня Горя

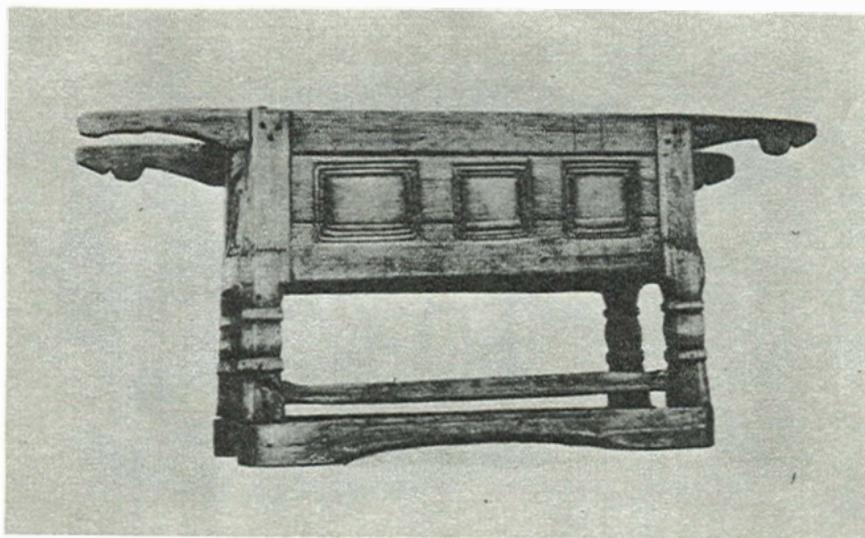
Медная ендова
для пива.
Деревня Веригино

←

например, в виде многолучевого цветка, вбитого острием в бревенчатую стену или балку потолка. Иногда применялись целые агрегаты, где «светцо» комбинировалось с корытцом на ножках. Обгоревшие куски лучины гасли, падая в воду.

Наряду с образцами кузнечнойковки и насечки в крестьянских домах можно встретить массу металлической посуды, преимущественно медной, луженой внутри. Во многих избах до сих пор еще используются в быту старинные рукомойники средневекового типа, с одним или двумя носиками. В кухонном углу мерцают пузатые чаши-братины и ложчатые енды. Кое-где можно встретить огромные медные котлы, а также фигурные кувшины.

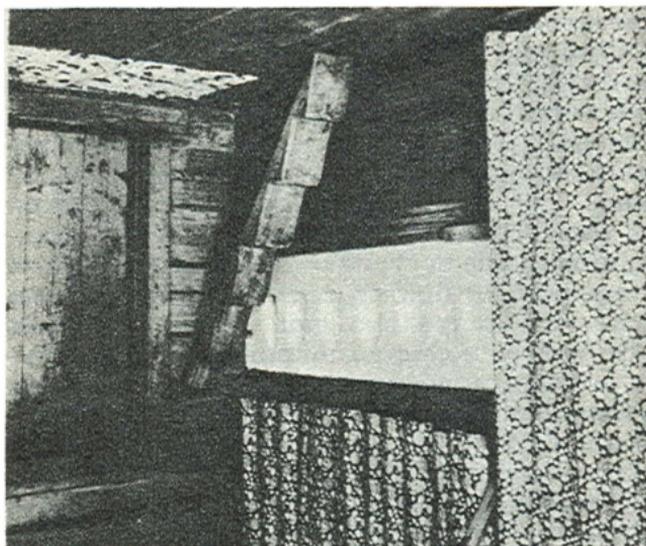
ИКОНЫ. Скромные божницы в красном углу, сохраняющиеся как воспоминание о прошлом, интересны своими литыми образками, представляющими собой хотя и

*Подстолье XVII в.
в доме П. Ф. Чахутина.
Деревня Конец*

шаблонные, но не лишенные художественной ценности произведения рельефной миниатюры.

Особо следует сказать об иконах, многие из которых попали в крестьянские дома из местных церквей и часовен. Отношение населения к этим памятникам двойственное. Поколения, воспитавшиеся в советское время, за редким исключением, не понимают художественного (а тем более религиозного) смысла икон, и это часто приводит к утрате многих первоклассных досок. Старики, особенно старообрядцы, ревниво оберегают домашние святыни, не всегда даже показывают их пришельцам, не позволяют их фотографировать. Здесь турист должен проявить известный такт и воздержаться от навязчивости и своеволия. Следует упомянуть, что сейчас на Севере, хотя и с большим опозданием, развернулась борьба с «приобретателями» икон и других памятников старины. Эта совершенно правильная мера окажется действенной лишь в том случае, если приезжие гости не только откажутся от посягновений на «суде-

*Лесенка у русской печи
в доме Г. А. Калинин.
Деревня Конечная
(Гавриловская)*

нир», но и пробудят у населения, особенно молодой его части, уважение и бережное отношение к сокровищам народной живописи, место которой, конечно, в музее, а не в частной коллекции.

ТЕКСТИЛЬ. Область текстильного искусства Кокшеньги также достаточно интересна. Правда, «классические» образцы старинной народной вышивки и ткачества встречаются в деревне не часто, их лучше изучать в богатейшем собрании Тотемского музея. И все же крестьянские сундуки и коробья хранят еще неисчислимые богатства в виде праздничных полотенец, подзоров, покрывал, скатертей и художественно оформленной одежды. Ткани, вышивки и кружева играют важную роль в декоративном решении интерьера, сочетаясь с резьбой и росписью. Основной эффект создают тканые половики, в которых при помощи простого ритма и скупой гаммы красок достигается богат-

ство и «игра» световой плоскости. Как правило, выделяется доминирующий цвет, умело оттененный контрастными и сближенными тонами и «подголосками». Одно из любимейших сочетаний — вишневый, блекло-сиреневый, белый, синий и черный. Зеленый встречается крайне редко. Желтый часто дается в приглушенном звучании рядом с черным и синим. Эти самодельные коврики—дорожки вырабатываются быстро, считаются необходимой принадлежностью дома, никогда не поступают в продажу. Обычно мастерица сама окрашивает пряжу и лоскутья покупными красками, всегда самостоятельно подбирает цветовые сочетания и соотношения полос по ширине, руководствуясь единственно только интуитивным чувством. Сегодня это один из наиболее «живых» видов местного народного творчества, и каждая хозяйка стремится запасти столько половиков, чтобы после уборки и мытья полов можно было застелить всю площадь жилья, включая часть сеней и даже крыльцо. Сочетание некрашеных бревенчатых стен и потолка с радужной мягкой подстилкой — наиболее сильный декоративный момент в доме.

Стены, оклеенные цветными обоями, несколько разрушают это художественное взаимодействие. Им стилистически соответствуют разноцветные ситцевые занавески, характерные для современного интерьера. Старинные холщовые и набойчатые завесы, отгораживавшие кухонный угол, ныне уже не встречаются. Но и в размещении даже новых занавесок обычно соблюдаются некоторые принципы. Длина свешивающихся полотнищ соответствует архитектурным размерам, например, расстоянию от потолка до верхнего края печи, или, наоборот, равна по высоте последней. Ткань играет роль ограничивающих плоскостей, чаще всего, замыкающих пространство над полатами, печью, заменяющих кухонную дверь. Преобладают ситцы с крупными красными или розовыми цветами, контрастирующие с обоями, среди которых доминируют обычно зелено-голубые тона.

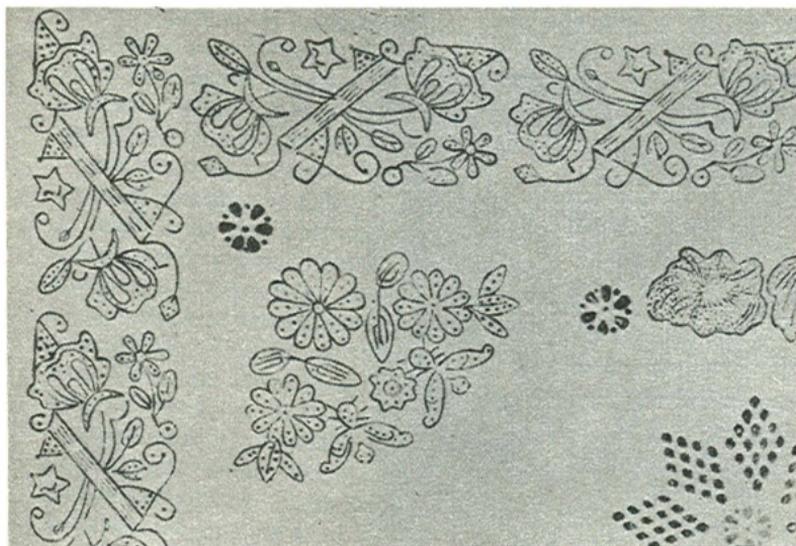
Наряду с гладкоткаными обычны шитые коврики, махровые, с поверхностью, образованной торчащими концами цветных лоскутков. Техника шитья самая примитивная: в машину запускается всякая рвань, ряды почти не выравниваются. Но именно эта «стихийность» картины, неожиданность, непроизвольность цветосочетаний рождает определенное эстетическое впечатление. Во всяком случае, в интерьере такое «панно» выглядит как яркое, полыхающее пятно, которое гипнотизирует взгляд своими подвижными массами цвета и причудливостью ритмов.

Вышивка на полотенце.
Деревня Ермолинская

В лоскутных одеялах обнаруживается сходный эффект, но здесь больше геометризма. Это, скорее, задача на зрительное нахождение осей равновесия, схожих элементов, параллельных линий и т. д. Глаз не так свободен, он поглощен прослеживанием очертаний.

Полотенца, или «рушники», как известно, служили не только утилитарной и декоративной, но и глубоко ритуальной принадлежностью быта. Следы этого сохранились в той почетной роли, которую играет вышитое или тканое полотенце в ансамбле избы. Кое-где полотенцами украшают иконы божниц. Но чаще можно увидеть увитое рушником зеркало или семейную фотографию, почетную грамоту и т. д. Иногда все это комбинируется вместе таким образом, что по углам зеркала размещаются веером или рядами снимки или памятные бумаги, а сверху «воротцами» эта группа увенчивается рушником со свисающими красными концами, отороченными кружевными зубцами. Впрочем, нередко нарядно вышитое полотенце служит

Фрагмент набойки
на покрывале

чисто практическим целям. Один из красивейших образов встретился нам у печи в деревне Ермолинская. Узорные рушники вешают около рукомойника или близ печного устья.

Скатерти на столах, как и занавески на окнах,— современных форм, заимствованные из города, фабричные по материалу. Но камчатные льняные скатерти, например, Красавинского комбината, отлично уживаются со старинным оборудованием и мебелью. В них есть та же суровая конструктивная логика и правдивое выявление материала, как в любом крестьянском самодельном искусстве.

Что касается собственно художественного рукоделия в обычном смысле слова, то здесь следует назвать аппликационные коврики, встречающиеся по деревням. В деревне Веригино у Екатерины Романовны Силинской висит на стене коврик с занятыми гномиками, грибами, зайцами, домиком. Все исполнено с детской наивностью. В районе

Борушка

Спаса можно обнаружить настенные коврики с изображением черного как смоль коня.

Среди большого количества пошлых вышивок крестом по канве попадаются интересные, хотя и малосамостоятельные (деревня Ермолинская). В той же деревне в одном из домов сохранилось покрывало, выполненное способом набойки в 20-е годы нашего века. Это последний отголосок некогда развитого промысла.

Народный костюм Кокшеньги мало чем отличается от костюма других районов Вологодского края. Среди «старинных» образцов преобладает полугородская по форме и материалу праздничная одежда с большим количеством украшений, сложно и вместе с тем ярко решенная по цвету. Наиболее нарядные части ее — сарафаны, платки и золотешвейные головные уборы. Большое внимание уделялось отделке одежды. Края подчеркивались, как и в резьбе, многослойными и разнообразными «подзорами» — каймами, в несколько рядов, причем чередовались узоры тканые,

вышитые и кружевные. Обилие кружев объясняется, в частности, тем, что в окрестностях Вельска и Тотьмы в XIX веке работало много кружевниц-надомниц. Также рядами многослойно располагались бусы, ожерелья и цепочки — гайтаны. Очень популярны были бусы из янтаря. Пуговицы были фигурно-литыми из олова, иногда с тонким узором и даже эмалью. Костюм этот живописен и выигрывает от соседства других одежд близкого типа. Он оживает в пейзаже. Надо видеть, как полновесно, звонко рисуются цветные одежды работающих в полях.

ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ. Очень важно не ограничиваться одним лишь собиранием и фиксированием увиденных предметов, но уметь в каждом случае проникнуть «внутри» вещи, к ее содержанию, образу, чтобы понять ее нематериальную ценность, чтобы увидеть за ней человеческий смысл. Тщетно мы стали бы искать среди символов и узоров прямого отражения реальной красоты тарногской земли. В этих вышивках и росписях нет ни елок, ни сосен, никаких местных животных и птиц, ни одной локальной черточки, хотя бы малейшей приметы, свойственной природе Кокшеньгского края или хотя бы Вологодчины! Вместо конкретных изображений сплошные ребусы, общие места фольклорного языка, отвлеченные формулы деревенской красоты, вроде «баских» розанов и пышных барынь с птичкой в руке.

Натуральность проявляется в позднейшей самодеятельности, когда на прялке, например, рисуют картину: гармонисты в валенках на фоне заснеженной улицы. Но в этом случае прялка оказывается лишней, случайно подвернувшейся под руку вместо загрунтованной фанерки.

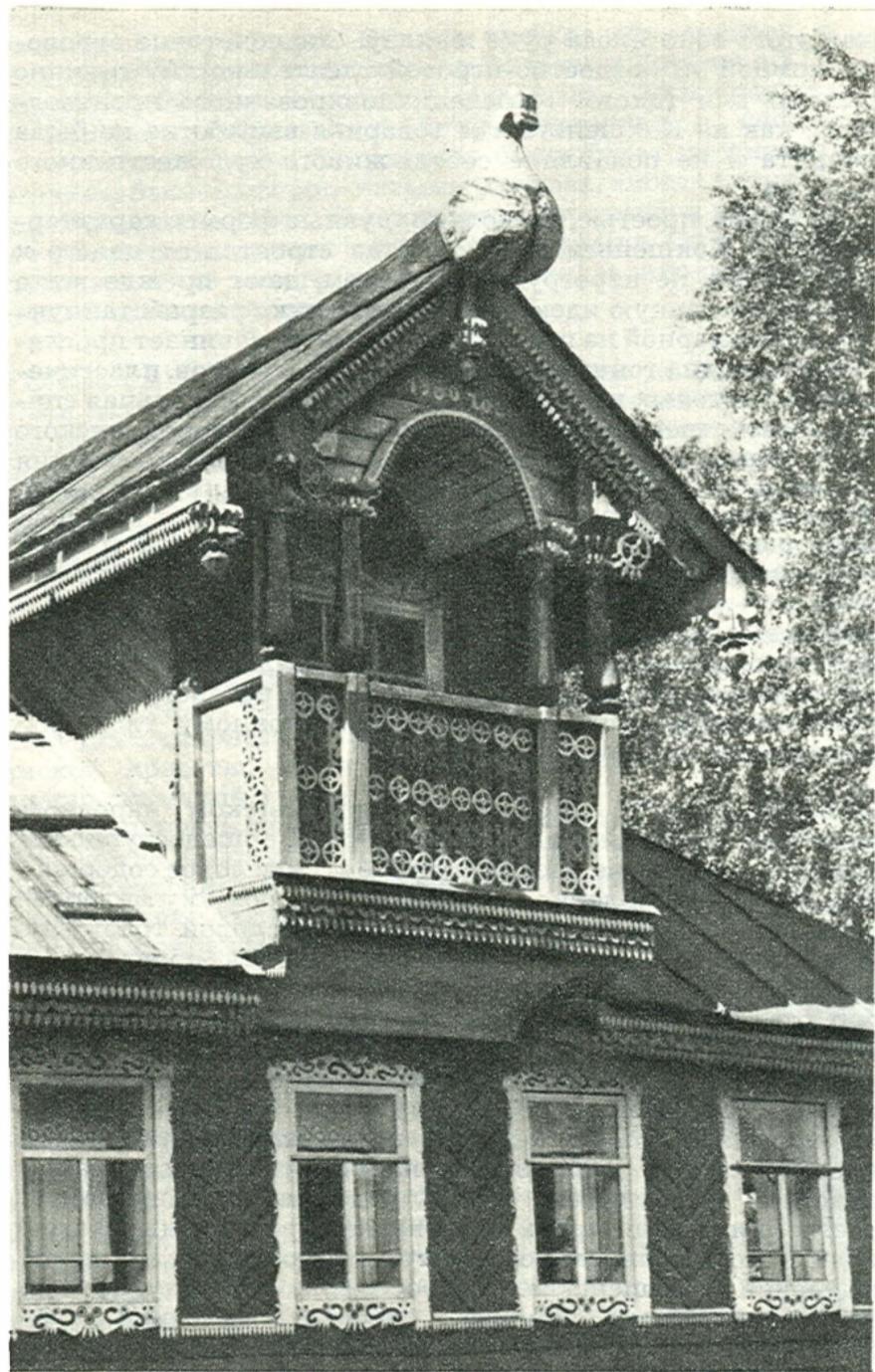
КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИНЦИП. Для Кокшеньги характерна та строгость конструктивной формы, при которой все многообразие впечатлений конденсируется в ритмический ступок, в крепко организованную структуру, связанную и обусловленную архитектурой вещи и техникой обработки материала. Движение формы возникает словно из повиновения рабочему долгу; в следовании резца за извилинами древесины, в пестрых потоках глазури на чашке, в сетчатой вязи плетения, в усилении скрученного жгутом железного стержня. Однако эта обязательность сочетается со свободой, даже вольностью исполнения, когда форма рождается импульсивно, без навязчивой симметрии, так,

как этого захотелось руке и глазу. Это сочетание сурово-экономной и радостно-игровой деятельности типично именно для такого малоспециализированного производства, как на Кокшеньге, где товарная выработка не была развита и не подавляла собою живого художественного чувства.

Крупные, простые, несколько грузные формы, характерные для Кокшеньги, почти всегда строятся от целого к частностям, не перегружены узором, дают прежде всего большую главную идею, причем так тонко разработанную, что в лапидарной на первый взгляд массе начинает проглядывать бездна тончайших переливов и оттенков, пластических и цветовых нюансов. Ажур, вязь, стремительная спираль, свойственная народному творчеству северодвинского края, здесь встречается редко. Преобладают очертания плавные и спокойные, как волнистые холмы Тарноги. Формы стелятся широко и свободно, охватывая большое пространство, неторопливо отсчитывая гряды за грядой, ярус за ярусом. Границы формы не замкнуты; композицию можно мысленно наращивать и дополнять, присоединять к ней новые цвета и полосы узора, объединять в ансамбль с другими предметами. В этой «непределности» решений проявление известной незавершенности, незаконченности, свойственной почти каждому традиционному творению народных мастеров.

СДЕРЖАННОСТЬ ФОРМ. В кокшеньгском народном искусстве при всей его каждодневности, общедоступности никогда до конца не раскрывается его смысловое содержание. Каждое поколение передавало следующему малоразгаданную и полуосознанную тайну смысловой традиции. Художник перенимал и интерпретировал образец, не развенчивая, но оберегая старинный замысел. Так до сих пор кладут на кровли деревянных коней, хотя никто уже не может объяснить их скрытого смысла.

Кокшеньга — одно из немногих мест, где донныне удержалась сдержанная целомудренность художественного языка, избегающая броской крикливости, разудалой хлесткости. Это проявляется, например, в преобладании пластики над цветом, массы над линией. Тарногские постройки и вещи преимущественно скульптурны. В этом смысле исключением может служить дом А. М. Бусырева в деревне Конюшенская. Построенный в 1960 году, он весь, как игрушечный теремок, сверкает масляной краской — желтой, красной, голубой. Конек на щипце кровли

блестит как серебряный: его окрасили алюминиевым порошком. Обычно даже новые постройки украшаются с большим тактом и чувством меры.

В каждом предмете местного народного творчества заложено, выражено два различных начала. Одно — сопротивление разрушительным силам материала, времени, погоды, тяжелого труда и т. д. Чтобы преодолеть их, приходится наращивать запас материала, укрупнять и делать форму лапидарной, неизносимо прочной. «Кому приходилось подолгу живать на севере, тот знает, как нелегка там жизнь. Когда после долгой и жестокой зимы приходит лето, и без того короткое, но еще больше сокращаемое необычайно затяжным вешним половодьем, то необходимо напрягать все силы, чтобы справиться с работами до новой стужи. И слово «страда», которым народ окрестил пору летних работ, нигде не приобретает такого буквального смысла, как именно на севере, где короткое лето — действительно «страдная пора». Эта суровая школа жиз-

*Дом А. М. Бусырева.
Деревня Конюшенская*

*Река Кокшеньга
у деревни Игумновской*

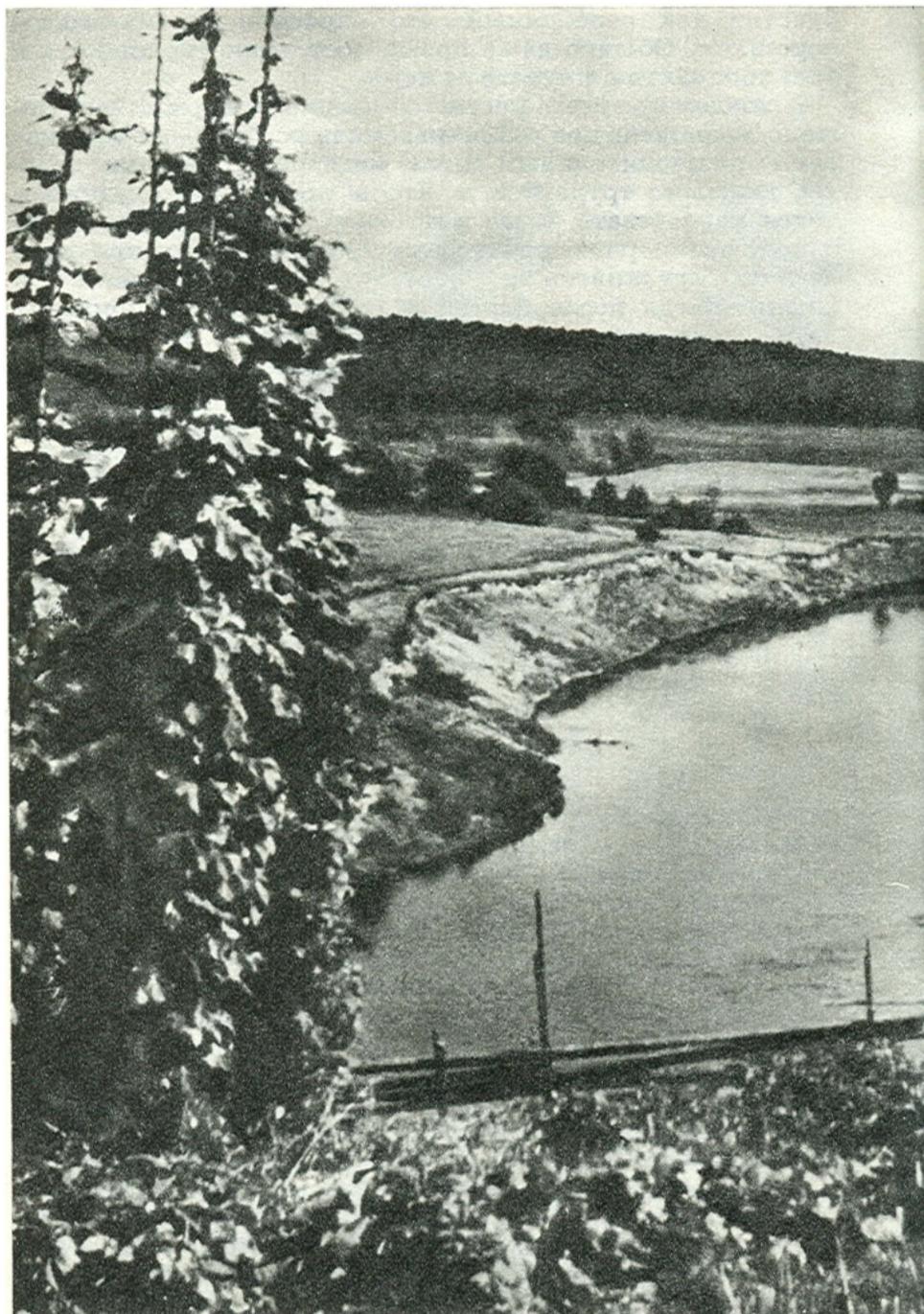
←

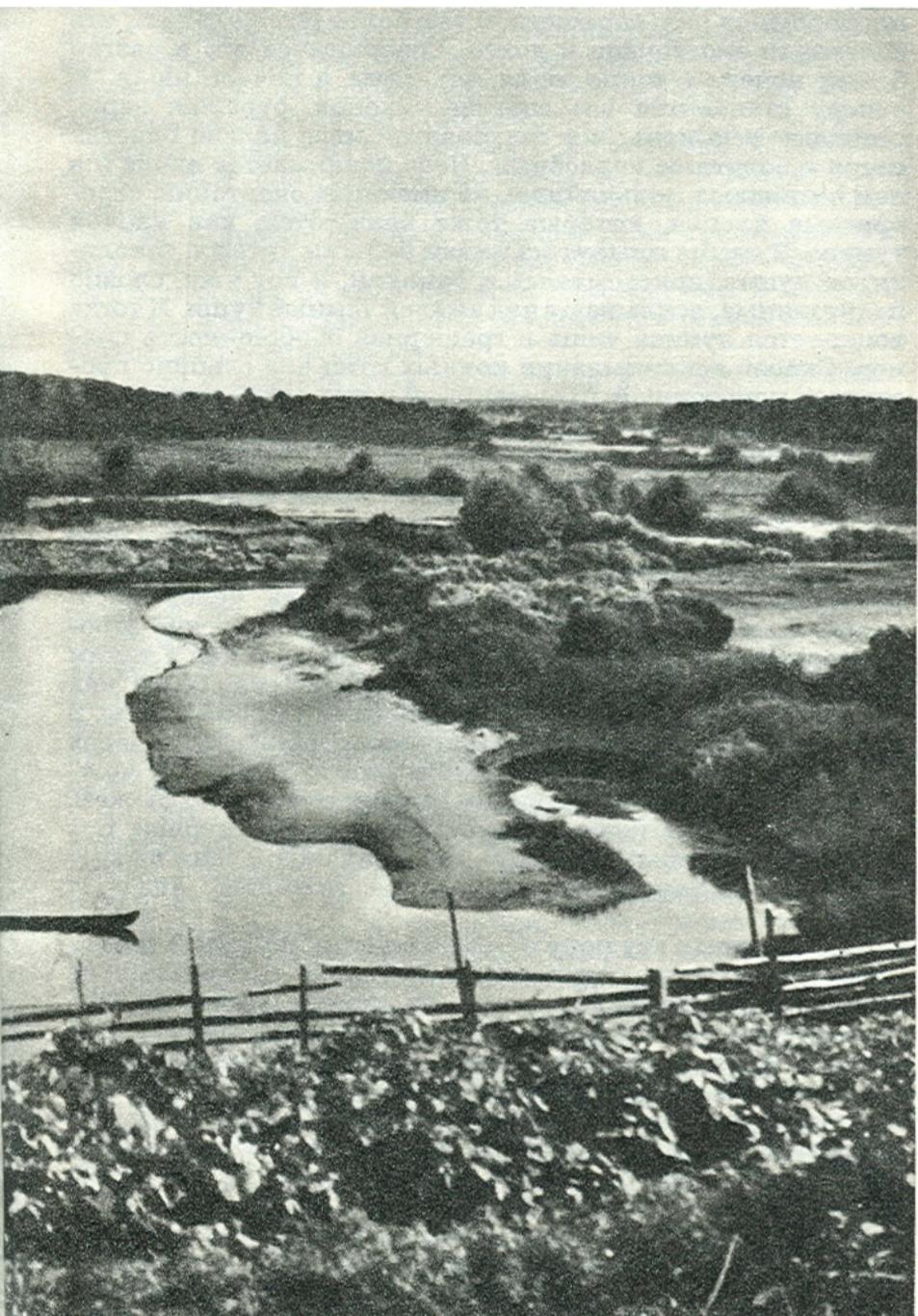
→

ни отразилась на искусстве и привела к созданию произведений, прямо поражающих своей классической простотой и захватывающих выразительностью и правдой»²⁸.

И вместе с тем эта скупая, монотонная форма обнаруживает внутреннюю щедрость, вложенную в нее мастером, одаряет скрытой праздничностью переживания мира. Совершается чудо преобразования утилитарной вещи, например, прялки, в радостное событие, в торжественный обряд, в песню, сказку, в златоверхие хоромы. С точки зрения прямой функции — прялка-корневуха нецелесообразна. Широкая лопастка, узоры и выемки практически бесполезны. Они оправданы только эстетически, только тем, что вносят в труд пряжи радость, задор, праздник.

Когда бродишь по летним перелескам Тарноги, не исчезает это ощущение приподнятости красочного зрелища. После долгих месяцев холода и мрака обилие горячего солнца, прогретые реки, буйные заросли цветов и ягод действительно кажутся праздником земли, торжеством ее

плодородных сил, торжеством тем более разительным, что наступало оно трудно и долго. Совершается это в разгар белых ночей, в конце июня или даже в начале июля. К вечеру становится все светлее. Оконца, отражая зарю, сверкают всю ночь, и в голубоватой мгле далеко блестят озера и болотные колдобины. Небо поднимается выше и в нем возникают мельчайшие, не имеющие очертаний, серебристые хлопья, которые тоже волнуются, как клочья тумана. Туманы плывут из низин белыми китами, заволакивая кусты, присасываясь к банькам, и вот уже, словно подрезанные, всплывают над землей темные туши. И тогда воцаряется лунная тишь и гравюрная обобщенность планов. Сквозь всхлипывания ночных птиц еле слышно проступает монотонный, прерывистый рокот глухо журчащих колокольчиков-«боркунов», в виде железных шариков с заключенным внутри камушком. Такие боркуны подвешивают гирляндой или поодиночке на шею коням, чтоб не затерялись в ночи.

А утро распаивается нам навстречу ослепительным пляжем, окаймленным широкими листьями, исчерченным птичьими лапками, но без единого следа человека. В знойный день слышно, как буйно растут гигантские заросли зонтиков и лопухов под речным откосом, как с тихим шепотом в высокой синеве вскипает прохладная осина, как мелкие трясогузки исполняют свой танец у кромки воды. В такие дни разноцветный ковер из мхов, наколотый поверх песчаных дюн, становится хрустящим и ломким, а можжевельник одним своим видом вызывает мысль о рыжем, неукротимом пламени. Пересохшие маслята шуршат под ногой. На ольховых просеках, где во влажной тени вызревает сочная земляника, застыл ее тяжелый, медовый запах.

Даже дожди в эту пору не по-северному шумны и теплы, слепят грозами и радугами, моментально испаряются на съпучих, как зола, дорожках. На глазах меняется река. Вначале вспухает серебристыми кругами, затем мутнеет, течение убыстряется, наконец, появляются на быстрине плывущие бревна, корзины и охапки сена. С глухим шумом обрушивается глыба подмытого берега, и сразу в глубине вскипает желтопенный водоворот. И все чернее становятся заборы и избы и все ярче сияют белые рамки окон.

К концу июля вырастает повсюду призрачная архитектура стогов. Чем более влажным бывает лето, тем выше и тоньше оказываются эти стенки и конусы. И чем меньше некошенных трав остается в лугах, тем изобильнее и плот-

нее сплетается полог, обрамляющий опушки и обочины дорог. Белая ромашка и желтая пижма, разные виды колокольчиков, Иван-чая, розового шиповника — все это срастается в один сплошной вал, цветочную баррикаду, которая скрывает вас почти с головой.

Дороги Тарноги не только ведут к прекрасным людям и прекрасным памятникам, но сами по себе могут быть названы прекрасными произведениями ландшафтного искусства. Конечно, их никто специально не прокладывал и едва ли заботились, протаривая тропу через «исаду», чтобы дорожка бежала красиво, а между тем в изгибах, рельефе, в чередовании разветвлений есть тонкая согласованность с ритмом пейзажа.

В этих дорожках есть внутренняя мелодия, переходы музыкально-зрительной темы. Тропа уводит вдаль, не дает останавливаться на полпути. Она ныряет в низину, бежит к ручью, где толпятся в вечерних лучах полосатые стога. И вновь выводит вверх, к подножию деревни, и далее, волнами, не переставая, идут навстречу безупречно изящные холмы.

Мы протаптываем дорожку так, как считаем быстрее для себя, но она получается не только самой экономной, но самой красивой по начертанию, настолько хорошо врисованной в поле, что ни один рисовальщик не смог бы ее туда вкомпоновать с такой точностью, как пешеход. Народное искусство — пешие дорожки, и тем они прекрасны. Стоит их взмостить или проложить регулярно — вся прелесть их исчезает.

Но как быть с народным творчеством сейчас, когда дорожку надо вначале запроектировать и представить на плане? Сохранит ли оно что-то живое? Здесь, у Тарноги общие судьбы с другими районами. Народное искусство еще будет жить и развиваться, если сумеет избежать оупляющего оцепенения штампованных, безличных трафаретов. Будем надеяться, с этим краем подобного не произойдет. У Тарноги есть еще не оборванные традиции. Тарногским мастерам присуще сильное и живое чувство материала. По сравнению с деревом в других районах, где оно выступает чаще всего в тщедушном виде выпиловок, здесь, в Тарноге, оно еще скульптурно, тяжеловесно, сохраняет серьезность топорного ремесла. Как тщедушные и слабы все эти полочки, шкатулочки, рамочки и домики из соломки по сравнению с действительно могучим творчеством. Какое яркое и живое искусство еще живет, несмотря на соломенные ящички! Ворот паромной переправы, свежесрубленный на желтом берегу Кокшеньги, сияет нетлен-

ной красотой. Он классичен. Это, наверное, и есть традиция: глубоко укоренившееся трудовое понимание ценности форм. Край царских плотников! Здесь мы непрестанно среди изделий плотничьего ремесла, удим ли мы рыбу с плота, поим ли коня из желоба, где вздрагивает глаз родника, вдыхаем ли мы запах мокрого пола бани, ошпаренного ковшом кипятка. И горечь можжевельных костров, и скрипучие изгороди лесных дорог, и эти скамейки и табуреты, и эти рубленые весы — все нам напоминает о тарногском дереве, прекрасном и в лесу и в постройке.

Современное деревянное зодчество не обнаруживает, по крайней мере в тарногских землях, признаков упадка. Напротив, оно заметно обогащается, средства его становятся, если можно так сказать, сложнее и многообразнее...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Евдокимов И., Север в истории русского искусства, Вологда, 1921.

² «История русского искусства» под ред. И. Э. Грабаря, т.1, М., 1909.

³ Билибин И., Народное творчество русского Севера. — «Мир искусства», 1904, вып. II.

⁴ Едемский М. Б., Говор жителей Кокшеньги Тотемского уезда Вологодской губернии. — «Живая старина», 1 — П, XIV вып. Спб., 1905.

⁵ Там же.

⁶ Никонов В. А., Краткий топонимический словарь, М., «Мысль», 1966.

⁷ Черницын Н., Следы неолитических стоянок в Кокшеньге, Вологда, 1928, стр. 283.

⁸ Попов К., Колонизация Заволочья и обручение Заволочской чуди. — «Беседа», М., 1872.

⁹ Едемский М. Б., Из кокшеньгских преданий. — «Живая старина», вып. XVII, 1908.

¹⁰ Соболевский А. И., Названия рек и озер русского Севера. — Известия отделения русского языка и словесности АН СССР, т. 32, Л., 1927.

¹¹ Угрюмов А., Кокшеньга в XI—XIV веках. — Газ. «Коммунист», Тарнога, 1957, 31 марта.

¹² Таможенные книги Московского Государства. Таможенные книги Великого Устюга за 1633 год.

¹³ Платонов С. Ф., Прошлое русского Севера, Берлин, 1924.

¹⁴ Мясников М. Н., Исторические сведения о Кокшеньге. — «Вологодские епархиальные ведомости», 1905, № 10.

¹⁵ Мясников М. Н., Исторические сведения о Кокшеньге. — «Вологодские епархиальные ведомости», 1905, № 13.

¹⁶ Будовниц И. У., Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках, М., 1966.

¹⁷ Таможенные книги Тотьмы за 1675—1676 гг.

¹⁸ Мясников М. Н., Исторические сведения о Кокшеньге. — «Вологодские епархиальные ведомости», 1905, № 10.

¹⁹ Свистунов К., Тарножский городок. — «Вологодские губернские ведомости», 1847, № 37.

²⁰ Волков П., Из Кокшеньги Тотемского уезда. — «Вологодские губернские ведомости», 1865, № 46.

²¹ Попов М. П., Как образовалась деревня Митино.— «Вестник Императорского русского географического общества», 1860, I, Спб.

²² Едемский М. Б., Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда, Спб., 1911.

²³ «О Кокшеньге. Из дневника вологодского епархиального миссионера за 1904 г.» — «Вологодские епархиальные ведомости», 1905, № 7, I—IV.

²⁴ «В Кокшеньге и на Двине летом. Из дневника вологодского епархиального миссионера за 1905 г.» — «Вологодские епархиальные ведомости», 1905, № 21.

²⁵ Едемский М. Б., Из кокшеньгских преданий.— «Живая старина», I-II, Спб., 1905.

²⁶ Маковецкий И. В., Архитектура русского народного деревянного жилища;

Осипов Д., Крестьянская изба на Севере России, Тотьма, 1922.

²⁷ Берг Ф. Н., Нечто о древности типа деревянных построек и резьбы в Важском крае. — «Памятники древней письменности», Спб., 1882.

²⁸ История русского искусства под ред. И. Э. Грабаря т. I, М., 1909, стр. 342.

ПОЯСНЕНИЕ ТЕРМИНОВ

Баские — нарядные, красивые, праздничные.

Бобышки — шпульки, на которые наматывается пряжа для тканья.

Боркуны — бубенцы.

Взголовашки — резная доска в изголовье полатей.

Воробы — крестовина для перемотки пряжи, вращающаяся на подставке.

Гайтан кружевной — тесьма, шнурок, на котором носят нательный крест.

Голубец или голбец — деревянная пристройка к русской печи сбоку. Ниже на $\frac{1}{3}$ высоты печи и уже ее. В передней стенке ее имеется дверца, ведущая в подвал.

Двухвходное крыльцо — высокое крыльцо, на которое ведут ступени с двух боковых, противоположных сторон.

Забор — «переборка» — перегородка, обычно отделяющая место для приготовления пищи от остальной, «чистой» избы.

Зыбка — деревянная колыбель, которая подвешивается к шесту, укрепленному в кольцах на потолке.

Исада — песчаная отмель, коса, заросшая ивняком.

Камчатая скатерть — льняная или полульняная, узорная, из окрашенной пряжи.

Кбник — боковая стенка с резьбой в виде конской головы у встроенной лавки в избе.

Крбсны — ткацкий стан с намотанной пряжей для основы и готовой к тканью.

Кубовая набойка — по темно-синему «кубовому» фону набойка цветами и узорами.

Кулички — местное название одной из форм геометрической резьбы.

Куричины — еловые жерди, вырубленные с корнем в форме крюка, поддерживающие крышу.

Курная, или рудная, изба с русской печью без трубы. Дым шел в отверстие в потолке, которое потом затыкали (топили печь «по черному»).

Кутóшки — местное название очень стилизованных изображений птицы.

«Куть» — придверный угол, прихожая, место у входной двери в избе.

Лавы — узкий мостик через реку, только для пешеходов, шириной в 2—3 доски, положенных на козелки.

Лопáстка — верхняя широкая часть прялки, к которой привязывается кудель.

Лядины — вырубленные полосы леса, на которых сжигались пни и сучья под распашку.

Мати́ца — главная балка деревянного потолка.

Мутовка — очищенный от коры, высушенный годовалый побег молодой сосенки с обрезанными на 3—4 см сучками. Служит для размешивания жидкого теста и т. п.

Накатник — потолок из бревен, вделанных в матицу.

Налопáтник — футляр из бересты для лопатки, которой точат косу. Косец носит его на поясе.

«Нóчвы» — маленький плоский лоток для провеивания крупы из ячменя, овса.

«Опечье» или «опечек» — нижняя часть русской печи из толстых тесаных бревен.

Опущенные лавки и полки — имеющие свисающие вниз передние и боковые резные стенки.

Пéстерь — сумка, сплетенная из бересты с крышкой и с тесьмой для ношения за спиной.

Печная голова — верхняя часть русской печи над ее устьем. Печное устье — арочный проем во внутреннюю часть русской печи.

Повéть — чердак над нежилой частью дома, куда убирают сено.

Приго́ловок — головная стенка у деревянной кровати.

Сельница для муки — долбленный лоток, в котором просеивают муку для хлеба.

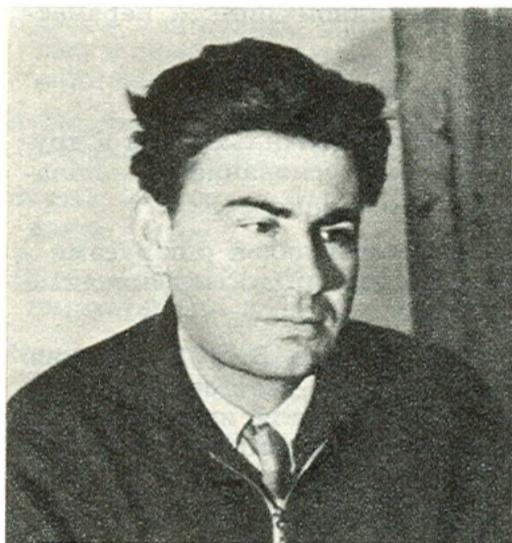
Скамья с «опроектной» или перекидной спинкой, переметная скамья.

Станины для кросен — боковые части стана.

«Сутычные брусья» — два бруса, вделанные один в другой под прямым углом и служащие основанием для полатей и посудных полок.

Ушкуйники (ушкуй — плоскодонная ладья с парусами и веслами) — вооруженные дружинники, снаряженные для захвата земель на севере.

Четверть — четвертное землевладение. В XVI—XVII вв. группа служилых людей получала участок земли, из которого каждой семье выделялась доля, измерявшаяся количеством условных единиц, называемых четвертями.

АЛЕКСАНДР КАЛИМОВИЧ ЧЕКАЛОВ (1928—1970)

Александр Калимович Чекалов относился к числу тех замечательных искусствоведов, для которых народное искусство было основной темой исследований, главной привязанностью всей жизни. Начиная со студенческих лет, проведенных в Московском высшем художественно-промышленном училище, «Строгановке», и позже — уже преподавателем этого Училища, А. К. Чекалов выезжал ежегодно на Север для изучения и собирания памятников русского народного искусства. Маршруты этих летних путешествий были разнообразны: от Вологды и Череповца — к Архангельску, Красногорску, Вельску, Каргополю. Создавалась карта распространения определенных типов и композиций, своеобразная «иконография» которых воспринималась во всем богатстве еще живых, действующих духовных и чисто-бытовых связей. Такое изучение на местах, постоянное непосредственное соприкосновение с народным искусством помогало исследователю рассматривать произведения этого искусства не изолированно, а в органической связи с окружающей предметной средой, когда наиболее полно раскрывалась красота и целесообразность их форм.

К народному искусству А. К. Чекалов подходил как историк — тут он видел основы художественного творчества

вообще, фундамент и истоки всех искусств. Широта эрудиции позволяла ему расшифровывать тематику изобразительного фольклора, находить аналогии ему в примерах, близких и понятных человеку нашего времени.

Для всех работ А. К. Чекалова, посвященных различным проблемам современного декоративного искусства, было характерно то же сочетание живого, образного восприятия этого искусства и безупречного чувства пластической формы с широкими теоретическими обобщениями. Сделанные с позиций эстетических критериев нашего времени, такие обобщения всегда содержали какие-то новые интересные идеи, носили яркую печать своеобразия творческого мышления их автора. Все это делало появление каждой работы А. К. Чекалова событием для людей, интересующихся вопросами декоративного искусства. За свою недолгую жизнь он написал ряд книг и множество статей: «Основы понимания декоративно-прикладного искусства», М., 1962; «Искусство в быту», М., 1961; *Bäuerliche russische Holzskulptur*, Дрезден, 1967; разделы о народной мебели и предметах обихода из дерева в трехтомнике «Русское декоративное искусство», М., 1962 – 1965; Эстетическое освоение предметно-пространственной среды в сборнике «Искусство и промышленность», М., 1967 и другие.

АЛЕКСАНДР КАЛИМОВИЧ ЧЕКАЛОВ

ПО РЕКЕ КОКШЕНЬГЕ

Фотографии выполнены
Г. Д. ПЕТРЕНКО

В подготовке текста к печати
принимал участие Н. Н. БАНКОВСКИЙ

Редактор И. А. КУРАТОВА

Оформление серии художника
Ю. К. КУРБАТОВА

Рисунки к карте художника
Ю. И. РАППОПОРТА

Художественные редакторы
Е. Е. СМИРНОВ, Е. А. БЕЛОВ

Технический редактор
А. Н. ХАНИНА

Корректор
Р. М. КАРМАЗИНОВА

Сдано в набор 6/XII 1972 г. Подписано к печати 4/VII 1973 г. А10925. Формат бумаги 70x90 $\frac{1}{32}$. Бумага тифдручная. Усл.печ.л. 4,388 Уч.-изд.л. 5,111 Изд. № 878. Тираж 70 000 экз. Заказ №1865. Цена 33 коп. Издательство «Искусство», Москва, К-51, Цветной бульвар, 25. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5 Фотонабор.

КНИГА А. К. ЧЕКАЛОВА
ПРЕДЛАГАЕТ ЧИТАТЕЛЮ ИНТЕРЕСНЫЙ МАРШРУТ
ПО МАЛОИЗВЕСТНЫМ ДОРОГАМ И ПЕШЕХОДНЫМ ТРОПАМ
В ОКРЕСТНОСТЯХ КОКШЕНЬГИ
ТАРНОГСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ.
АВТОР ВЕДЕТ НАС ОТ ДЕРЕВНИ К ДЕРЕВНЕ,
ОТ ИЗБЫ К ИЗБЕ
И ПЕРЕД НАМИ ОТКРЫВАЕТСЯ
ПРАЗДНИЧНЫЙ МИР НАРОДНОГО ИСКУССТВА:
РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ,
РОСПИСИ, ШКАТУЛКИ, ШИТЬЕ ПОЛОТЕНЦА.
И ВСЕ ХРАНИТСЯ НЕ В МУЗЕЙНЫХ ВИТРИНАХ,
А ЖИВЕТ СВОЕЙ ПОЛНОЦЕННОЙ ЖИЗНЬЮ
В ДОМАХ КОЛХОЗНИКОВ.